

Демид

Андрей Плеханов

Инквизитор Светлого Мира

«Автор»

Плеханов А. В.

Инквизитор Светлого Мира / А. В. Плеханов — «Автор»,
— (Демид)

Бесстрашным борцам с силами Тьмы Демиду Коробову и Мигелю Гомесу вновь приходится сразиться с опасным противником. На сей раз им противостоит маньяк Вальдес, помешанный на идеях испанской инквизиции и стремящийся стать могущественным демоном, чтобы жестоко и беспощадно искоренять грешников во имя Христова.

© Плеханов А. В.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	27
ГЛАВА 4	34
ГЛАВА 5	44
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	49
ГЛАВА 1	49
ГЛАВА 2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Плеханов

Инквизитор Светлого Мира

(Демид – 4)

Невозможно засорять Мир Тонкий с такою же легкостью, как земной. Грубые накопления образуют как бы нестираемые наслоения, которые всегда видны.

Ю.Н. Рерих. «Советы на каждый день»

То, что мыслимо, то осуществимо.
Мао Цзе-Дун. «Цитатник»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Шустряк: пробуждение

ГЛАВА 1

В бесчувственной слепой черноте, что окружала меня со всех сторон, вдруг прорезалось одно-единственное, но очень яркое ощущение: отчаянно чесалась левая рука. Затем я открыл глаза и свет хлынул в меня, заполнил меня, напояв о том, что я могу видеть. Потом появились звуки.

– Так вот что я тебе говорю, Шустряк, – сказал мне невысокий человек, стоящий напротив меня и отражающийся спиной в зеркале. – Обычно бой идет не до смерти. Но сегодня – Праздник Крови, и сегодня псам разрешено убивать. Если ты сегодня будешь плохо двигаться, Бурый Черт снесет тебе череп. Мой совет – не позволяй ему это сделать. Лучше убей его сам.

Я почесал руку и это доставило мне непередаваемое наслаждение. Рукав из тонкого черного велюра, обтягивающий левое предплечье, мешал добраться до участка воспаленной ноющей кожи, но зуд все же уменьшился.

Не могу сказать, что я понял что-либо из слов этого человека, но все, что он сказал, мне не понравилось. Все – каждое слово, включая предлоги. И сам он мне тоже не нравился. Хотя я видел его впервые в жизни, я уже был твердо уверен, что он – плохой человек. Мерзкий, продажный тип – скользкий, как заплесневелый гриб, выловленный из старой забытой кадки. И пахло от него чем-то затхлым, смешанным с ароматом дешевых духов в пошлую застоявшуюся вонь.

– Шустряк – это я? – поинтересовался я. – Это что, кличка такая?

– А что, у тебя есть имя? – мерзкий тип вытаращил на меня свои глазки цвета болотной тины. – Может быть, ты вспомнил свое настоящее имя, Шустряк?

– Нет, не помню, – честно признался я.

– Тогда не гавкай, простолудин.

Он определенно был противен мне. Он был ниже меня почти на голову и я имел счастье, или скорее несчастье, наблюдать сверху его тусклую белую лысину. Волосы его, растущие над ушами и затылком, падали на плечи длинными кудрями, черными и сальными, завитыми, очевидно, при помощи горячих щипцов. Плечи красного камзола покрывали мелкие чешуйки перхоти. Из длинного разреза камзола высывались кружева рубашки – некогда, вероятно, белой, а теперь застиранной до неопрятной желтизны. Ниже камзола находились жирненькие

ножки, обтянутые зелеными лосинами с фиолетовыми продольными полосками, а еще ниже – потертые туфли из красной кожи, с большими медными пряжками.

– А ты красавчик! – заметил я. – Только вот рубашка грязновата. Не пора ли купить новую?

– Заработаешь сегодня денег – куплю. – Типчик приосанился, глянул в зеркало, поправил свои локоны кокетливым бабьим движением. Толстощекая физиономия его была украшена малоразвитым сизоватым носом, торчавшим посредине лица как чурбачок. Рот, непропорционально широкий, разъехался в улыбке и показались зубы, напоминающие подгнивший и частично переломанный штакетник. На верхней губе наличествовали тонкие усики – черные, прореженные рыжими ниточками подкрашенной седины. – За две недели ты неплохо подзаработал, Шустряк. Но ты же знаешь: все ушло на то, чтобы оплатить лицензию на твое содержание. Я говорил тебе об этом. И святошам тоже пришлось отстегнуть немало – чтобы они закрыли глаза на то, что ты до сих пор жив. И жрешь ты слишком много, Шустряк – только успевай тебя кормить. Видишь, как благородный господин Бурбоса ради тебя старается! Откуда ж деньгам-то свободным взяться? Какие ж там рубашки? Шесть лет рубашек не покупал...

Врал он все – по глазам я видел. Был он достаточно богат, и только жадность не давала ему купить себе что-то поновее и поприличнее. Итак, звали этого мерзавца господином Бурбосой, и судя по всему, знал я его уже в течение достаточно длительного времени. У нас была тема для разговора, проистекающая из нашего общего дела. Общее дело было очень простым – я зарабатывал деньги, а Бурбоса ими распоряжался.

Левая рука жутко чесалась, и я снова поскреб ее.

– Ты что, недоволен? – Бурбоса глянул на меня раздраженно, как на капризного ребенка, выпрашивающего очередную подачку. – Тебя-то я как одел! Тридцать флоренов выложил – попробуй, найди одежду для такого верзилы!

Интересно, тридцать флоренов – это много?

Я изучил свое изображение в зеркале. Пожалуй, выглядел я приличнее, чем Бурбоса. Я был весь в черном. На мне была рубашка из велюра, с длинными рукавами, за неимением пуговиц завязанная многочисленными поперечными серебристыми тесемками, короткие черные бриджи и огромные башмаки из грубой кожи. Все не новое, но, по крайней мере, чистое.

Я понравился себе гораздо больше, чем коротышка Бурбоса. Лицо мое можно было назвать симпатичным, пожалуй, даже благородным. Ум светился в моих темно-зеленых глазах. И самое главное, это было именно мое лицо. Я узнал его – то самое лицо, которое я видел в зеркале всю свою жизнь, каждый день. К сожалению, ничего кроме того, что это лицо принадлежало мне с самого рождения, я сказать не мог. Я не помнил даже своего настоящего имени.

Обстановку вокруг можно было назвать полубогемной, полуроскошной, полууродливой. Высокие потолки, отделанные ажурной пыльной лепниной, мраморный пол, черные колонны, темные ниши, в которых прятались статуи, неумело вырезанные из дерева и аляповато раскрашенные зеленой и розовой краской. Бесчисленные бронзовые канделябры, жирные свечи, горящие с чадом и потрескиванием. Многочисленные зеркала отражали людей – гуляющих по залам, беседующих друг с другом, пьющих вино из серебряных бокалов. Все эти люди были одеты так же крикливо, пестро и безвкусно, как и господин Бурбоса. Небольшой оркестрик, состоящий из женоподобного лютниста, двух обшарпанных флейтистов и одного бородатого и одноногого скрипача, фальшиво наявничал в углу музыки, навевающую тоску своей писклявостью и однообразием.

– Не вздумай сегодня проиграть, – сказал Бурбоса. – Я поставил на тебя кучу денег. Ты, конечно, неплох. С тех пор, как тебе понавтыкал Козлоухий, ты ни разу не проигрывал. Но сегодня тебе драться с Бурым Чертом, а он намного сильнее Козлоухого. Бурый Черт и тебя сильнее, что уж там говорить. Он не проигрывал еще ни разу. Он побеждает уже три года – с

тех пор, как оторвал голову Шепелявому. Хотя... Ты быстрее его, Шустряк. Я думаю, новым победителем года станешь ты. Главное для тебя сейчас – правильно выбрать оружие.

Так... Значит, я умею драться. Я посмотрел на свои кулаки и подумал, что пожалуй, это действительно так. У меня были широкие ладони, длинные сильные пальцы. Руки были покрыты царапинами – свежими и зажившими. Похоже, я часто пользовался этими руками, чтобы набить кому-то физиономию.

– И какое оружие ты мне посоветуешь? – спросил я.

– Фаджету, конечно – твое коронное оружие. Никогда бы не поверил, что при помощи такой ерундовины, как фаджета, можно справиться с топором, мечом или куликом. Но ты умеешь это делать. Бери фаджету, Шустряк. В тот раз, когда тебя побил Козлоухий, ты пытался отбиваться алебардой. Больше не советую. Хорошо, что тебе руку тогда не отрубили.

– Какую руку?

– Левую. – Бурбоса посмотрел на меня с недоумением. – Ты сам должен помнить, какую руку тебе покровсали, Шустряк. Станный ты тип, Шустряк. Клянусь Господом, странный! – Он постукал себя пальцем по лбу.

Я задрал рукав, обнажил левое предплечье и обнаружил, что то место, которое чешется, представляет из себя огромный багровый рубец со следами грубых швов. Шрам еще не зажил – на вид ему было меньше недели. Серая влажная нитка торчала из середины шва. Я стиснул зубы, сморщился от боли и выдернул ее. Зуд утих.

– Я – странный, – согласился я. – Но я ведь всегда был странным, не так ли?

Почему-то мне было приятно мысль о том, что я – странный для этих людей. Может быть, даже немножко сумасшедший. Я все больше убеждался в том, что не жил в этом обществе всегда, а пришел откуда-то. И мне хотелось верить, что в том месте, откуда я пришел, порядки были другими.

– Ты всегда был странным, – утвердительно кивнул коротышка. – Когда тебя нашли на площади Трамбурга, ты был таким странным, что Самеро, священник округа Лакримы, решил, что ты демоник. Он собирался тебя сжечь. Но ты тогда побил его людей. Хорошо отлупил. До меня дошли слухи, как умело ты это сделал, и мне это понравилось. Мне как раз нужен был новый боец – старый у меня обленился, стал плохо двигаться, ну и, само собой, однажды он обнаружил, что у него оторвана голова. Я отправился в Трамбург и выкупил тебя. Это было непросто, священник злился на тебя. Очень злился. Он уже заготавливал дрова для большого костра. Ты стоил мне немалых денег. Но я не прогадал – ты окупаешь то, что я в тебя вложил. Поэтому меня не волнует, странный ты или нет, Шустряк. Единственное, что мне нужно – чтобы ты был странным не настолько, чтобы при этом проигрывать драку. Видишь этих людей? Все они поставили на Бурого Черта, все уверены в том, что он выиграет – за последние три года Бурый Черт не проигрывал ни разу. Это меня устраивает, потому что все они поставили на него. Если ты выиграешь, все эти деньги достанутся мне...

– А мне что достанется? – поинтересовался я.

Кулаки мои чесались, но не от желания встретиться с неизвестным Бурым Чертом. Мне очень хотелось засветить в морду самому господину Бурбосе, который, оказывается, распоряжался мною как своей собственностью и даже имел на меня какие-то права.

– Как что достанется? – ухмыльнулся Бурбоса. – Ты что, забыл, Шустряк? Я думал, такие вещи не забываются.

– Я не забыл. Просто я хочу услышать еще раз эти слова из твоей лживой пасти.

Я немножко придвинулся к нему и он опасливо отпрянул.

– Эй, ты полегче, Шустряк! Не забывайся!

– Я жду, – я придвинулся еще ближе и почти прижал его к зеркалу.

– Я же сказал тебе! – взвизгнул он. – Если ты побьешь Черта и я заработаю больше трех сотен, я отдам тебе сорок флоренов!

– И все? – Я поднял брови с выражением негодования, хотя понятия не имел, много ли это – сорок флоренов. – И это все? Сорок жалких флоренов за то, что я рискую своей шкурой?!

– Сорок три флорена! – прошипел он. – Сорок три, и ни одной флориньей больше! Люди решат, что я сошел с ума, если узнают, что я даю такие деньги своему псу, но я дам тебе сорок три, мясоверт тебя задери! Хотя я вообще не должен давать тебе ничего! Ты должен быть счастлив тем, что я кормлю тебя вдосталь, одеваю как благородного человека и не даю сдохнуть в лапах святош...

– Это кто здесь пес? – зловеще поинтересовался я. – Я – пес?

– Ты – пес! – утвердительно произнес пузатый гаденыш, нисколько не сомневаясь в своих словах. – Ты мой пес, Шустряк, и ты должен благодарить Госпожу день и ночь за то, что это действительно так. Потому что если бы я не выкупил тебя и не проявил милость провозгласить тебя своим псом, ты бы давно уже превратился в горстку обгорелого вонючего праха, как и должно поступать с любым нечестивым демонику. Ты – шелудивая псина, и еще осмеливаешься требовать у меня деньги...

– Во-первых, я человек, – гордо произнес я. – Во-вторых, я не демоник...

– Ты – человек? – Бурбоса ткнул в меня коротким жирным пальцем. – Ты не демоник? А как же ты тогда сумел придти в Кларвельт?

– Просто пришел, – сказал я, надеясь, что это звучит не слишком странно по местным представлениям. – Пришел собственными ножками, понимаешь? Я пришел из другой страны.

– Страны? – Бурбоса повторил мое слово гадливым шепотом, как какую-то совершенно непристойную похабщину. – Ты что, совсем сбрендил, Шустряк? Конечно, ты неотесанный мужлан, но такой дряни я от тебя еще не слышал. Какого черта ты произносишь своим поганым ртом это поганое слово в моем присутствии? Жить надоело? В инквизицию захотел?

– А что я такого сказал? Да, я из другой страны. Вы что тут, в вашем драном Кларвельте считаете, что других стран не существует?

– Заткнись немедленно! – Бурбоса втянул голову в плечи, опасливо оглянулся по сторонам, лицо его перекошилось от страха. – Кто научил тебя этой ереси – Флюмер? – зашептал Бурбоса, обдавая меня запахом кислого вина. – Он сбрендил, этот книжник Флюмер, но его сожгут завтра, а тебе нужно жить! Нет никаких стран, есть только вельты! И люди не могут ходить из одного вельта другой – ибо так сказано в Книге Дум! Из другого вельта пройти в наш может только демоник! И если ты говоришь, что ты пришел из другого вельта, тебя должно сжечь, как любого демоника! Я же объяснял тебе, ослу тупому, что ты просто потерял память! Если ты хочешь жить, запомни то, что ты просто крестьянин, потерявший память из-за пьянства, полностью разорившийся и выкупленный мной в псы. В любом другом случае тебе нет места среди людей...

– Я хочу, чтобы ты освободил меня. Если я выиграю у Бурого Черта, ты освободишь меня. Денег можешь не давать.

– Ты ненормальный, – уверенно сказал Бурбоса. – Иногда мне кажется, что ты теряешь память два раза в неделю, причем в самые неподходящие моменты, и я снова должен объяснять тебе простейшие вещи. Но сейчас некогда делать это. Пора идти. Иди и навтыкай Черту так, чтобы мало не показалось. Об остальном поговорим потом. И не ошибись в оружии.

– Ладно, – буркнул я.

Настроение у меня было препаскудным. Совершенно мне не хотелось драться. К тому же я абсолютно не помнил, как это делается.

* * *

Бурбоса долго шлепал по коридору – вначале широкому и хорошо освещенному, потом все более узкому, кривому и темному. Я наблюдал его переваливающуюся спину и с трудом

удерживался от желания проверить, как я умею махать кулаками. Проверить прямо сейчас и прямо на нем – на господине Бурбосе.

Арена встретила меня воплем, оглушила и едва не сбила с ног. Сотни голосов взвыли одновременно и вонзились мне в уши. Я зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, что нахожусь на краю большой и основательно утоптанной площадки, посыпанной грязным песком вперемешку с пылью. Факелы, укрепленные на столбах, ярко освещали площадку и людей, пестрым кольцом окружающих ее. В дальнем углу арены на деревянном помосте стоял десяток кресел с высокими подлокотниками, в них восседали жирноватые люди весьма чванливого вида, обмахивались веерами, сделанными из перьев птиц. Они не орали – только молча раздували щеки, и уже за это я был благодарен им. Остальные голосили так, словно глотки их были сделаны из железа.

Мне показалось, что я уже видел такую картину. Ах да, ну конечно! Оказывается, я, пес господина Бурбосы, уже несколько недель выхожу на эту арену и бью кого-то. Вероятно, других таких же бойцовых псов. Может быть, кто-то из них и отшиб мне память удачным ударом по бедной черепушке?

Народ вопил: "Бурый, вломи ему! Сделай из Шустряка хорошую лепешку! Разделай чертового выскочку под орех! Оторви ему голову, руки, ноги, яйца"... И так далее. Эти горлопаны перечисляли все, что у меня теоретически можно было оторвать и не могу сказать, что это было очень приятно. Но еще более острые чувства я испытал, когда увидел Бурого Черта.

Без сомнения, это был он. Я догадался, что это он, потому что кожа его была смуглой, едва не коричневой. Негром он, правда не был (откуда я знаю такое слово: "Негр"?), но загореть ему удалось весьма неплохо. И подкачать мышцы тоже. Он выглядел как культурист, обожравшийся анаболиками (господи, откуда в мою голову лезут такие странные слова: "культурист", "анаболики"? Таких слов попросту не существует в мире). Бурый черт представлял из себя гору упругих мышц, обтянутых лоснящейся кожей. И вся эти мышцы рвались в бой, даже пританцовывали от нетерпения. Сверху гора была увенчана круглым лысым шаром, отдаленно напоминавшим человеческую голову. Уши отсутствовали – очевидно, их некогда отрезали за какую-нибудь провинность, а может быть, они отвалились сами за ненужностью. Круглые, навывкате, глаза вращались и были налиты кровью, как у быка миурской породы ("миурской"? Еще одно воспоминание из моей забытой жизни?).

Ростом этот монстр был с меня – то есть превышал всех людей, встреченных здесь мною, почти на голову. Выходит, и сам я был далеко не маленьким. Только весил этот дяденька больше меня раза в полтора-два. И судя по тому, как он пританцовывал, двигаться он умел.

Чему тут радоваться, скажите пожалуйста?

Еще одно грустное обстоятельство – в правой руке Бурого Черта была зажата рукоятка какого-то неизвестного мне предмета, без труда, впрочем, классифицированного мной как холодное оружие. На деревянной ручке длиной в локоть сидел увесистый бронзовый шар, утыканный острыми конусообразными шипами. Бурый Черт весьма жизнерадостно размахивал палицей над головой – вероятно, ему не терпелось приласкать меня этой дрындой по голове. Мне же, как ни странно, эта идея нисколько не нравилась.

Сбоку на столбе сидел человек. Очевидно, это был судья соревнований и его специально посадили на возвышенное место, чтобы лучше были видны все нюансы происходящего поединка. Он напомнил мне стервятника – тощий, взъерошенный, в ободранном черном плаще. Длинная шея его была покрыта то ли редким пухом, то ли перьями. А может быть, он просто забыл помыть шею и к ней прилипла всякая дрянь. Ног его я не видел, а вот руки с длинными когтистыми пальцами, которыми он вцепился в свой насест, выглядели точь-в-точь как птичьи лапы. Мне показалось, что он отчаянно боится свалиться со столба. Стервятник, который обожрался падали и разучился летать.

– Против Бурого Черта, пса господина Бумберто, выступает Шустряк, пес господина Бурбосы! – провозгласил судья-стервятник. – Ставки сделаны! Напоминаю псам, что нельзя убивать противника в живот. Если противник будет убит посредством разрывания живота, какое действие противно законам Книги Дум, то победа признана не будет!..

Вот оно как, значит. Если меня убьют посредством разрывания живота, то выходит, противник старался напрасно. Шиш ему, а не победа! Интересно, кого же тогда признают победителем? Мой труп с выпущенными кишками? Очень трогательно...

– Чего стоишь, пес? – Бурбоса толкнул меня в плечо. – Раздевайся. И иди выбирай оружие.

Раздевайся... Да, действительно, Бурый Черт был почти гол, если не считать небольшой металлической раковины, прикрепленной к его туловищу при помощи веревочек и прикрывающей его сомнительные мужские достоинства. Очевидно, в таком же сценическом костюме предстояло выступать и мне. Я со вздохом начал развязывать тесемки на своем кожаном костюме и вскоре все, что осталось на мне – такая же железная раковина на веревочках. Причем раковина моя была размером раза в два побольше, чем у Бурого, что позволило мне ощутить некоторое моральное превосходство. К сожалению, во всем остальном превосходство было на стороне противника. Осмотрев себя, я обнаружил, что сложен весьма неплохо, но, в отличие от Бурого Черта, не являюсь обладателем объемистых наростов мяса. Это повергло меня в раздумья – а не является ли сегодняшний день, без сомнения, чудесный, последним в моей жизни?

– Эй ты, Шустряк, глиста бледная, – заорали в толпе. – Убей Бурого своим большим членом! Трахни его до смерти!

– Заткнись, падаль смердящая! – громко сказал я, приставил большой палец к ноздре и высморкался на землю. Очевидно, сделал я что-то крайне оскорбительное по местным понятиям, потому что в толпе тут же завопили от ярости, благородные боровы в переднем ряду молча, но неодобрительно сдвинули брови, а судья произнес громко и наставительно со своего наместа:

– Господин Бурбоса, делаю вам замечание за непристойное поведение вашего пса. Делаю ему первое предупреждение и налагаю на него наказание в десять плетей, каковые он должен получить немедленно после окончания поединка, независимо от того, останется ли он живым или мертвым.

Бурбоса тут же отвесил мне подзатыльник и прошипел что-то яростное. Я презрительно сжал губы и пошел к столу, на котором было разложено оружие. Топор, короткий и ржавый меч, что-то среднее между багром и алебардой... Так-так... Интересно, а где эта самая фаджета, с которой, по словам Бурбосы, я так хорошо управляюсь? Вот некая странная веревка или отрезок каната – длиной в половину моего роста, толщиной в полруки, сплетенная из жестких волокон, с наконечниками, обшитыми черной дубленой кожей. Что можно сделать такой веревкой против увесистой палицы?

Я протянул руку и поднял веревку, чтобы получше рассмотреть ее.

– Фаджета... – зашумели в толпе зрителей. – Шустряк опять берет фаджету. Он орудует ей как демоник. Он, наверное, демоник, этот пес Шустряк...

Вот сейчас мы узнаем, как работают с этой фаджетой. Надеюсь, память моего тела подскажет мне это, если с памятью головы дело обстоит так плохо. Надеюсь... А в самом деле, что я буду делать? Положу Черта на свое колено и надеру его бурую задницу веревкой, как ремнем?

Пожалуй, так и сделаю. Если только он не убьет меня сразу.

Я намотал кусок каната на левую руку, молча кивнул судье и пошел к Бурбосе.

– Ты помнишь, что я тебе сказал? – произнес я одними губами, глядя в его шакальи глаза. – Я отлуплю Бурого Черта, а ты меня отпустишь.

– Не нравишься ты мне сегодня, Шустряк, – губы Бурбосы раздраженно скривились. – Ты не в себе сегодня, пес. Чует мое сердце – этого дня ты не переживешь.

– Я всех вас переживу, – бросил я через плечо, уже повернувшись лицом к Бурому. Тот двигался к мне пританцовывающей походкой, перебрасывая булаву из одной руки в другую. Зубы его клацали при каждом прыжке.

– Шустряк! – крикнул он. – Я убью тебя! Убью в голову! Это будет чистая победа!

Большая часть зрителей взывала от восторга. Похоже, что меня здесь не очень-то любили. Неужели я был такой скотиной, что этот бурый ублюдок был лучше меня?

Да нет, просто эти люди сами были отбросами. Пусть даже они считали, что стоят намного выше столь шелудивого пса как я, все они были тупым и жадным стадом. Они жаждали моей крови, они жаждали денег, которые могли заработать на этой крови.

– Размечтался! – я медленно разматывал свою фаджету. – Слышишь, ты, рэппер нью-йоркский, тебе кто уши отгрыз – Майк Тайсон? У меня есть мысль: ты сдаешься и получаешь вместо меня десять плетей – в качестве гуманитарной помощи. А за это я тебя прощу и не буду бить сильно...

Боже мой, что я такое говорю? Откуда ко мне приходят странные слова? Что это вообще за язык? Я не помню такого языка...

Бурый бросился на меня с боевым воплем, собираясь, очевидно, проломить мою голову с первого удара. Не берусь точно описать, что я сделал в этот момент. Перепуганные мысли подсказывали мне, что необходимо срочно удирать со всех ног. Но тело мое считало по-другому – сделало какое-то сложное движение, плавно скользнуло ногами вбок, взмахнуло руками и грациозно перекрутилось в пояснице. В результате Бурый Черт перелетел через подставленную мной подножку, вспахал физиономией утоптанную землю арены и получил по спине хороший удар фаджетой. Грубый кожаный наконечник оставил на его коже вздувшийся багровый след.

Ого! Оказывается, двигаюсь я не только хорошо, но и вполне артистично. Не скрою, это стало для меня приятным сюрпризом. Хотя орущее быдло вокруг вряд ли могло это оценить.

Пока здоровяк поднимался на ноги, я повернулся к нему спиной, лицом к зрителям, пошел по арене красивым, легким шагом, поднял руки, предлагая зрителям похлопать мне. Я сделал это как настоящий торе... Торе... что? "Тореадор", – легко додумал я это слово, даже прошептал его. Слово мягко легло на мои губы, согрело их своей дружественностью. Я не помнил, что это такое – тореадор, но теперь уже не пугался незнакомых слов. Теперь я знал, откуда они прорывались ко мне. Они приходили из моего прошлого как вестники забытого счастья, напоминали мне, что когда-то я был чем-то большим, чем бойцовый пес в чужой стране.

Сам по себе, с жалкой веревкой, я был почти беззащитен перед Бурым Чертом. Но за мной стояло прошлое. Стояло как войско в засаде: легионы суровых воинов со щитами и копьями, переминающихся с ноги на ногу в нетерпении, ждущих команды ринуться в бой. Я обладал большой ценностью – своим прошлым, и мне стоило выжить, чтобы сохранить это сокровище – ибо чего стоило мое прошлое без самого меня? Оно было только приложением ко мне самому.

Я услышал топот за спиной: противник уже вскочил на ноги и теперь несся на меня там, сзади, размахивая своей палицей. Времени на то, чтобы обернуться и посмотреть на него, не оставалось. Осталось время только на то, чтобы закрутиться вокруг собственной оси, с одно-временным движением в сторону. Я освободил фаджету, предоставил ей свободу для собственных действий, и, похоже, не напрасно. Я почувствовал как она ударила – так сильно, что я с трудом удержал ее. Если бы я просто ушел вбок, Бурый промчался бы мимо меня. А так кусок жесткого каната перетянул его поперек живота и выбил дыхание. Моя скорость и скорость Черта сложились, удвоились, столкнулись со звуком хлыста, канат ударил не хуже толстой палки. Бурый захрипела, пытаясь сделать вдох. Толпа засипела – мой удар выбил дыхание и из нее тоже, сломал дружный вопль, вырывавшийся из глоток. Они рассчитывали, что Бурый Черт расколется мой затылок, но я подпортил им удовольствие.

Удар не сбил Бурого Черта с ног, только остановил его на бегу, как хороший удар бандерильями останавливает быка на арене. Я даже не спрашивал себя, что такое "бандерильи", не было у меня времени на раздумья. Я почему-то хорошо помнил, что быка нужно как следует измотать, чтобы он начал делать ошибки, подчиняться тебе в движениях, играть в игру, которую ты ему навязываешь. И я помчался к Черту. Я оказался сзади от Черта, подпрыгнул, врезал ему пяткой в поясницу, мягко приземлился и пронесся дальше, пока он медлительно разворачивался. Крепкий был он человек – удержался на ногах и на этот раз. Вдох он все-таки сделал, жадно схватил ртом воздух, замотал лысой башкой, пытаясь прийти в себя.

Ладно, увалень. Оказывается, я побил тут всех до тебя. И тебя отлуплю. Наверное, в том месте, из которого я пришел, дерутся получше, чем здесь. Я тебя просто ногами запиною. Голову отрывать не буду, это не в моем вкусе – оторванные головы. Живот разрывать тоже не стану – в конце концов, это столь естественное действие почему-то запрещено местными законами. Уложу тебя хорошим нокаутом (кстати, что это такое – нокаут?) и спокойно пойду к господину Бурбосе. А если он не отпустит меня на свободу, я сделаю с ним то же, что и с тобой, Бурый Черт.

Так думал я, а между тем раз за разом подсказывал к противнику и наносил ему чувствительные удары ногами. Бурый Черт вертелся, взреывал яростно, пытался достать меня своей дубиной, но прыти ему не хватало. Медлителен он был, да и туповат изрядно.

Люди в толпе болезненно голосили при каждом моем ударе, словно не Бурому, а им я бил по почкам. Единственный, кто бурно радовался, был Бурбоса. Он подсказывал на одной ножке как шестилетний мальчик, взвизгивал тонким голосочком и, наверное, подсчитывал в своей лысой тылке грядущую прибыль.

Я, конечно, заигрался. Я делал все не так, как следует. Мне казалось, что я играю с быком, выматываю его. Когда он окончательно перестанет соображать, и слюна начнет падать с его морды на пыльный песок, я должен буду нанести ему последний удар. Последний...

На самом деле именно он играл со мной. Он притворялся, что взбешен, что ему больно. Он отдыхал, а я носился вокруг него и тратил свои силы попусту. Мои бестолковые тычки не наносили ему никакого вреда. И когда Черт отдохнул достаточно и увидел, что я начал задыхаться от беготни, он схватил меня за ногу.

Бурый Черт поймал меня без труда, как лягушка ловит комара – коротким автоматическим движением. Он вцепился в мою лодыжку с такой звериной силой, что я заорал от боли. А потом он вывернул мою ногу пяткой вперед. Почти вывернул. Потому что я все-таки успел перевернуться в воздухе и стукнуть другой пяткой его в нос. Он хрюкнул от неожиданности и ослабил хватку, я вырвался и на четвереньках помчался от него, волоча за собой фаджету. Я вырвался, но это было ненадолго. Я осознал это и ужас ледяными клешнями сжал мое сердце. Бурый Черт стоял и спокойно смотрел, как я улепетываю. Теперь он не спешил догнать и разможжить мой череп своей палицей. Теперь ему некуда было спешить – я уже стал его добычей, и он растягивал удовольствие.

Бурый Черт вытер кровь, текущую из его носа, размазал ее по лицу. Теперь он стал спокоен и сосредоточен. Он шел на меня и поигрывал огромной своей дубиной, летающей в его пальцах как пушинка. Я отползал на заднице назад, не в силах оторвать взгляд от палицы, выписывающей круги в воздухе. Я полз назад, пока не уперся спиной в ноги сопящих от кровавого вождения зрителей. И получил пинок, бросивший меня прямо к ногам Бурого Черта.

Бурый Черт немедленно обрушил на меня удар. И промахнулся – я успел перекатиться по земле. Я даже попробовал вскочить на ноги, но не смог – отчаянно болела лодыжка, вывихнутая Чертом. Снова удар, я снова крутанулся в пыли и услышал, как тяжелая палица с тупым звуком воткнулась в землю рядом со мной. Тумм! Бегом на четвереньках. Тумм! Тумм!! Боже, неужели я еще жив! Тумм!!! Тумм!!! Тумм!!!

Это не могло продолжаться долго. Он почти не тратил сил, пытаясь попасть по мне своим шипастым оружием. Он не расстраивался по поводу того, что не мог попасть. Пока не мог. Он знал, что скоро один из его ударов достигнет цели, потому что я терял силы с каждым своим ускользающим маневром. Все шло к концу. Моему концу.

И вдруг я увидел в толпе лицо. Может быть, для всех остальных оно было обычным лицом, но для меня оно выделялось на общем фоне так же ярко, как луна на ночном небе. Я едва не вскрикнул от изумления, когда увидел его. Потому что я знал эту девушку. Знал по-настоящему, в своей прежней, реальной жизни.

И тут же голос прозвучал в моей голове. Призрачное эхо, странное шевеление уснувшей в коме памяти, словно лицо знакомой девушки, снова возникнув в моей жизни, выдернуло вслед за собой череду воспоминаний – может быть, связанных с этой девушкой, а может быть, и не связанных никак.

"Ты слишком много думаешь, – произнес голос. – Я не для того учил тебя в течение долгих месяцев, чтобы ты думал о том, что надо делать. Твое тело само должно это знать. Тело должно быть быстрее мыслей. Быстрее твоих мыслей, быстрее мыслей противника. Расслабься – пусть произойдет то, что должно произойти".

Я знал, кто некогда говорил мне так. Диего Чжан, мой учитель. Сейчас я не мог вспомнить его лица, да и не помнил о нем ничего, кроме того, что он существовал в моем собственном мире и некогда говорил мне эти слова. Но и этого было достаточно.

Я ощутил, что я не одинок. Со мной был мой друг – моя фаджета, мое оружие. Она, как живая змея, извивалась в моей руке, она злилась на меня, она страдала от бездействия и просилась в бой. Я увернулся от Бурого Черта и вскочил на ноги – на этот раз получилось. Мой враг снова ударил своим тяжелым оружием, но я скользнул в сторону, оказался сбоку от него и тут же сделал движение рукой. Фаджета вылетела вперед как анаконда в броске – она определенно знала, что нужно делать, эта умная веревка. Она обмоталась вокруг палицы Бурого Черта, вернулась ко мне свободным своим концом, и я на миг разжал пальцы, чтобы ухватиться за нее покрепче. Я дернул за веревку и развернул Бурого к себе лицом. Он еще не понял, что произошло – совершал суетливые движения, пытаясь выдернуть веревку у меня из рук. Я рванул фаджету вместе с палицей, Бурый потерял равновесие и почти свалился на меня. Я не дал ему сделать это. Я ударил его коленом в живот. Мощные мышцы его напряглись, но все же пропустили колено в солнечное сплетение. Бурый Черт задохнулся, пальцы его разжались и он грохнулся на землю, лишившись своей любимой палицы.

А потом все оружие полетело в сторону – и палица, и фаджета (перед последней я мысленно извинился). Я стоял и смотрел, как Бурый медленно встает, держась рукой за живот. Я еще не знал, что нужно делать, но все шло именно так, и значит именно так все и должно было происходить.

И еще: мне нужен был совет. Новый совет.

Я обводил глазами бесчисленные физиономии зрителей и все они казались мне отвратительными злобными масками. Я хотел снова найти лицо той девушки. Как ее звали? Я не помнил. Но я страстно хотел снова увидеть эти странные глаза – узкие и черные, столь не похожие своей формой на глаза всех местных обитателей. Эта девушка выглядела как...

Как *китаянка* .

Я был рад, что это приятное слово пришло ко мне, хотя у меня не было времени задуматься о том, что оно значит. Бурый Черт очухался окончательно, и даже радостно осклабился, увидев, что не только он лишился оружия, но и я сдуру выкинул свою фаджету, с которой так искусно умел обращаться. Бурый Черт понял, что судьба повернулась к нему лицом. Наверное, в кулачном бое он был силен. Во всяком случае, природные данные для этого у него были более чем подходящие. Как я уже говорил, он был одного роста со мной, но руки у этой гориллы

были длиннее моих, а каждый кулак – раза в два поболее моего. Так-то вот. Вот и верь после этого всяким голосам, которые приходят к тебе из прошлого.

Его кулаки пришли в действие. Не буду утомлять вас рассказом о том, как проходил наш кулачный бой. Скажу только, что вначале мне удавалось довольно удачно избегать его ударов, но, к ужасу своему, я скоро убедился, что это все, на что я способен. Мне никак не удавалось дотянуться до Бурого Черта. Он теснил меня назад и я начал понимать, что по убийственному действию его кулаки мало чем отличаются от выброшенной мной палицы. И что так или иначе скоро я попробую действие этих кулаков на собственных костях.

Где моя девушка? Я все еще искал ее взглядом в толпе. И когда я наконец увидел ее, то испытал странное чувство – облегчение и острую душевную боль одновременно. Я вдруг понял, что то, что происходит со мной – реальность. До сих пор я все-таки считал, что вся эта чушь – и мерзавец Бурбоса, и арена, пропитанная потом и кровью, и Бурый Черт с его желанием убить меня в голову – все это сон. Дурацкая сказка, которая кончается, когда открываешь глаза и обнаруживаешь, что снова находишься в своей постели. Теперь я понял, что если сейчас не начну бороться за свою жизнь по-настоящему, мне никогда не будет суждено проснуться. Что я умру прямо здесь, на сером пыльном песке.

"Багуа синь", – тихо прошептала девушка-китаянка. И снова исчезла. Я отчетливо услышал ее негромкие слова – они проткнули рев толпы, как острый нож вспарывает грубую холстину. Они дошли до моего сердца и остались там.

И в ту же секунду я не просто отпрыгнул от удара Бурого, но отбил его ребром ладони, а потом сделал полшага вперед и нанес удар сам. Удар тыльной стороной и костяшками кулака прямо в переносицу врага. Этот удар определенно был каким-то *специальным*. «А-а-а!!!» – взревел Бурый и попытался заграбастать меня, но я молниеносно сделал три шага назад, выскользнул из опасной зоны и он схватил пустоту. Бурый Черт держался за сломанный нос и слегка пошатывался, а я стоял напротив него в низкой стойке. Теперь я не был встревожен, но и не испытывал радости. Я не был ни напряжен, ни расслаблен. Я находился в особом состоянии, единственном состоянии, каковое только и подходило моменту боя. Когда-то я находился в таком состоянии сотни раз, потому что меня научили этому. И теперь мое тело вспомнило это.

Бурый Черт обрушился на меня, как молотилка. Он очень старался, сражался со мной так, словно я был десятью противниками сразу. Может быть, это была лучшая серия ударов в его жизни. Но я спокойно парировал каждый из этих ударов и не оставил ни один из них безнаказанным. А потом я поймал мощную руку Черта, сделал плавное движение по дуге назад, Бурый Черт перевернулся в воздухе через голову и грянулся спиной об землю с такой силой, что все кости затрещали в его теле.

Публика вопила. Мой противник пытался встать, прикладывал для этого все силы, но руки и ноги уже не слушались его. "Шустряк, прикончи его! – голосили луженые глотки. – Возьми дубину! Убей его в голову!" Я с ненавистью посмотрел на палицу, которая валялась поодаль. Скорее я прикончил бы ей половину этих дрянных подонков-зрителей – так они меня раздражали. К самому Бурому Черту я не испытывал ни ненависти, ни даже злости. Скорее, мне было жалко его. Он был таким же псом как и я, и досталось ему сегодня достаточно.

Я встал на одно колено рядом с ним, заглянул в его глаза, в его зрачки, расширенные от боли. "Извини, брат, – тихо сказал я. – Я стукну тебя еще разочек. Так нужно. Это лучше, чем убивать тебя".

Я ударил его раскрытой ладонью в висок – несильно, мягко. Но этого было вполне достаточно. Голова его бессильно откинулась и глаза закрылись. Может быть, он потерял сознание, а еще вероятнее, понял, что нужно вовремя прикинуться жмуриком. Так или иначе поединок был закончен. Я выиграл.

И, конечно, мое воображение сразу разыгралось. Я представил, как меня несут на руках, ставят на пьедестал, вешают на шею большую золотую медаль (размером с тарелку). Как меня

объявляют чемпионом. Как местный лорд, или бургомистр, или принц, или какой-нибудь еще местный босс говорит мне: "Господин Шустряк, сегодня вы проявили истинную доблесть, и искусство, и несомненное благородство, а потому просите об исполнении любого вашего желания, и оно исполнено будет". На что я скромно отвечаю: "Благодарю вас, сэр, сеньор, гражданин начальник. Я свободный человек, и прошу вас засвидетельствовать этот несомненный факт. Прошу вас отпустить меня на все четыре стороны и дать мне справку об освобождении. А далее я сам разберусь, из какой страны я пришел и сделаю все, чтобы вернуться туда"...

– В последнем поединке турнира победил пес Шустряк! – прокаркал судья со столба. – Сие означает, что чемпионом года становится...

Публика притихла.

– Чемпионом становится благородный господин Бурбоса!!! – прохрипел судья, изнемогая от охвативших его радостных чувств.

Зрители заголосили: "Ура! Да здравствует чемпион Бурбоса, сильнейший из бойцов, храбрейший из воинов, доблестнейший из рыцарей!" Бурбоса шел через арену, сияя, как начищенный медный чайник, и все дружно рукоплескали ему.

А как же я? Не то чтобы мне очень нужны были слава и признание – плевать мне было на них. Но я собирался извлечь из статуса победителя определенную выгоду. Я не хотел быть псом господина Бурбосы всю свою жизнь.

Между тем, никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Бурбоса добрался до помоста, на котором восседали вельможи, и самый жирный из них лично вручил ему кубок из чего-то, похожего на золото, обнял его и даже поцеловал, а теперь громко говорил о замечательных человеческих качествах господина Бурбосы, о его неукротимой львиной свирепости и выдающемся таланте бойца...

Я пересек арену, хотя кто-то пытался схватить меня за руку. Я оказался у самого помоста.

– Эй, вы! – заорал я! – Благородные и достопочтимые господа! Ваши светлости, величества и преосвященства! Не будете ли вы так добры выслушать меня?! В конце концов, я тоже кое-чего заслужил сегодня!..

– Энто еще что за смерд? – Главный вельможа сморщил нос, словно к нему непозволительно близко подошла большая куча дерьма на двух ногах. – Господин Бурбоса, что сие значит?!

– Простите, господин Обершмуллер! – пробормотал Бурбоса, извинительным жестом приложив руки к сердцу. – Этот пес не в себе в последнее время! Он ведет себя очень странно. Очевидно, сказались множественные удары по голове...

– Так! – Тот, кого назвали Обершмуллером, повернулся ко мне и тут же несколько человек навалилось на меня сзади, выкрутили мои руки назад так, что я и пальцем не мог пошевелить. – Энтому наглому псу назначено десять плетей, крутить его собачью мать. Я, значица, милостью своею добавляю ему еще десять. Ввалите-ка ему, ребята, все двадцать прямо сейчас, и чтоб без всяких жалостей. Таких, значица, псов, как он, нужно лечить токмо плетями. Я думаю, опосля энтого в евойной башке точно просвежает!

Меня поволокли в середину арены и повалили на землю. Я еще не понимал, что происходит.

– Бурбоса, скотина ты эдакая, скажи им, чтобы они прекратили! – завопил я. – Скажи этому жирному, чтобы меня отпустили!..

– Спасибо, господин Обершмуллер! – масляным голосочком произнес подлец Бурбоса. – Как тонко вы изволили подметить – токмо плетями! Истинно чувствуется ваша высочайшая образованность...

И только когда хлыст со свистом разрезал воздух и впился в мою спину, до меня дошло.

Я озверел. Я с ревом вскочил на ноги, раскидав корявых людишек – тех, что пытались меня удерживать. Они дружно бросились на меня, но я уложил всех их, потратив на каждого не

больше, чем по удару. Ко мне уже бежали два стражника с алебардами. Я схватил хлыст и сшиб им стражников с ног. Не думаю, что я нанес им значительный вред, но они предпочли закрыть глазки и сделать вид, что лишились чувств. Зрители оцепенели на мгновение, а потом дружно подались назад. Желających показать свою удаль и укротить вышедшего из повиновения пса среди них явно не было.

– Пес Шустряк, именем Госпожи Дум приказываю тебе остановиться и перестать бесчинствовать! – провозгласил судья-стервятник. Наверное, он чувствовал себя в безопасности, сидя на высоком столбе. Напрасно. Я взбесился не на шутку. Я преодолел расстояние до столба в три прыжка и в последнем прыжке ударил в столб обеими ногами. Дерево затрещало, пошатнулось, судья сорвался со своего насеста и спикировал на землю. Но, как я и предполагал, летать он разучился совершенно, а может быть, и не умел никогда. Он шлепнулся так, что мослы его загремели, как камни в деревянном ящике. Я немедленно вытянул его хлыстом по спине. И еще раз. И еще. Пусть знает, как назначать наказание плетью хорошим людям.

– Госпожа Дум! Взываю к тебе, о великая Госпожа! – Один из свиноподобных обитателей помоста воздел руки к небу, в тонком голосе его чувствовалась торжественность и уверенность в том, что он делает. – Останови этого безумца! Прояви свою силу, Госпожа наша, пусть оцепенеет сей пес как камень и отдастся в руки справедливости и порядка! Ибо нарушает он законы Книги Дум! И восславим тебя, Госпожа наша, владычица Кларвельта, создавшая мир наш и людей его...

Наверное, этот человек был местным священником, потому что одет он был в черную длинную сутану, а на голове его красовалась высокая цилиндрическая шапка.

Несколько секунд все таращились на меня, будучи уверенными, что я обездвижен на самом деле. А я не хотел их разочаровывать, выдерживал артистическую паузу, застыл в неудобной позе на одной ноге и с поднятым хлыстом. Судья, вроде бы уже совершенно потерявший способность двигаться, вдруг ожил и начал вставать на четвереньки, скрипя всеми суставами. И по толпе тут же пронесся вдох облегчения – кажется, никто здесь не сомневался, что эта самая Госпожа Дум может заочно навести порядок – наслать на меня оцепенение, и паралич, а может быть даже гром и молнию. Единственный, кто в этом сомневался – я сам. Не ощущал я никакого воздействия – только проклятая левая рука снова начала чесаться.

– Ну, ладно, хорош дурака валять! – Я опустил ногу на землю, продолжил начатое движение рукой, в результате чего хлыст опустился на спину судьи и снова сшиб его на землю. – Значит так, господа, сэры, герры и прочие местные уроды! Не знаю, как там насчет вашей Госпожи Дум, но мне эти игры надоели. – Я подобрал с земли свою запыленную одежду и начал натягивать ее на себя. – Я ухожу. Мне у вас не нравится. Если кто-то хочет меня остановить – пусть попробует...

И я двинулся к зрителям. Те заголосили – на этот раз не от азартного вождения, а от страха. Они расступались передо мной, давя друг друга, глядя на меня глазами, выпученными от изумления. Не знаю, чем я их так удивил. С виду я был намного нормальнее, чем большинство этих расфуфыренных индюков.

– А ведь энтый пес – демоник! – услышал я сзади голос Обершмуллера и обернулся. – Он не слышит, значаца, Госпожу Дум и не подчиняется ей! Сталбыть, он демоник в самом натуральном виде! Что вы скажете, Бурбоса, мерзавец вы энтакий?! Демоников пригреваете на своей греховной груди? Да вы хоть понимаете башкой своей дурацкой, что вытворяете?! Инквизиция по вам плачет...

– Я тут не причем! – взвыл Бурбоса и повалился на колени. – Я не знал, честное слово благородного господина!.. Я не знал, милостивые господа!.. Он подло обманул меня...

Меня уже не интересовали разборки между местными эксплуататорами трудящихся масс. Я хотел найти девушку-китайку, которая могла стать ключом к моей поврежденной

памяти. Я не знал, что делает она в этом дрянном месте, но чувствовал, что она является здесь столь же чужеродным элементом, как и я. Я искал ее и не мог найти.

Толпа к тому времени полностью раздвинулась и я увидел перед собой высокого человека. Он стоял, сложив руки на груди, и разглядывал меня. Я оторопел, увидев его. Он был хорошо знаком мне, но это узнавание не доставило мне радости. Ему было около сорока пяти лет, но, в отличие от местных бурдюков с жиром, он был подтянут, широкоплеч и даже красив. Только красота его была жестокой. Усмешка, растягивающая его тонкие губы, напоминала кривой острый нож. Светлые, почти бесцветные глаза смотрели на меня не мигая.

– А ведь старый дурак Обершмуллер прав, – сказал мне человек. Голос его – глубокий, теплый, почти нежный, прозвучал полным диссонансом внешности убийцы. – Ты – демоник, Шустряк. Ты – живой демоник. Живой. Хорошие дела происходят в Кларвельте! Сколько времени меня не было здесь – всего месяц? И что я вижу? Живые демоники нагло разгуливают по городу и бьют хлыстом благородных господ?!

"Вальдес! – пронесся по толпе испуганно-благоговеющий шепот. Сам господин Вальдес! Вальдес Длиннорукий! Великий Инквизитор!"

Я не помнил, что именно связывало меня с этим Вальдесом. Но я догадывался, что ничего хорошего. Вряд ли можно было ожидать хорошего от человека с такой жестокой улыбкой.

– Господин Вальдес, – произнес я. – Я понятия не имею, что такое демоник. Я не знаю, что такое Кларвельт. Более того, я не вполне представляю, кто таков сам я. Если вы благородный человек, господин Вальдес, то отпустите меня, и я уйду восвояси. Я обещаю более не причинять никому неприятностей и напоминать каким-либо образом о своем существовании. Я просто уйду.

– И куда же ты уйдешь, Шустряк? – Вальдес наклонил голову, провел рукой по волосам, подстриженным коротким ежиком и совершенно белым.

– Не знаю... Уйду куда-нибудь из вашего Кларвельта. Попытаюсь найти свою страну...

– Страну?.. – Вальдес снова усмехнулся и покачал головой. – Любой житель Кларвельта с детства знает, что никаких стран не существует. Есть только один мир, в котором живут настоящие люди. И мир этот называется Кларвельт. А еще есть другие миры – вельты. Но там обитают не люди. Там живут злобные магические твари – демоники. Человек не может уйти из Кларвельта – границы его закрыты создательницей нашей, Госпожой Дум. И тот, кто сумел пройти в Кларвельт из другого мира, никак не может быть назван человеком, как бы он не пытался человеком притворяться. Имя такой твари – демоник. И, дабы демоник не мог творить зло свое в нашем счастливом, добром и справедливом мире, надлежит каждого демоника уничтожать. Так сказано в Книге Дум...

– Я не знаю, демоник я или нет, – честно признался я. – Но я не собираюсь творить зло. Мне кажется, я просто заблудился и забрел куда-то не туда. Отпустите меня, Вальдес. Я хочу вернуться домой. Я хочу вспомнить где мой дом и вернуться туда.

– Я помогу тебе вернуться, милый мой демоник, – голос Вальдеса стал еще нежнее, он обращался ко мне, как к маленькому ребенку. – Я отнесусь к тебе с добротой, дорогой ты мой Шустряк. Когда демоника сжигают, его душа возвращается в ад. Ад – это и есть твой дом. Я сделаю так, что ты вернешься домой, и очень скоро.

– Иди к черту! – Я сделал шаг в сторону, пытаясь обойти инквизитора. Но он не дал мне сделать это. Он протянул руку и схватил меня за горло.

Меня и Вальдеса разделяло расстояние в двадцать шагов. Но Вальдес не сделал ни единого шага вперед – он просто вытянул руку и вцепился мне в кадык. Рука его теперь была длинной в двадцать шагов. Пальцы его сжали мою глотку с такой силой, что я не мог сделать вдох. Все поплыло перед моими глазами. Я еще пытался дергаться, колотил руками по его жуткой длинной конечности, но карта моя была бита.

– Любой демоник должен быть предан огню.

Это были последние слова, которые я услышал перед тем, как снова провалиться в черноту.

ГЛАВА 2

Сознание возвращалось ко мне постепенно, наплывало удушливыми волнами, воняющими нечистотами и горящим жиром.

– Пить, – стонал кто-то. – Дайте пить...

Кто-то приоткрыл мой рот и теплая вода, отдающая ржавчиной, полилась ко мне в глотку. Я вдруг осознал, что это именно я издаю жалобные стоны и прошу пить.

– Пей аккуратнее, – тихо произнес старик, который стоял возле меня на коленях и поил меня. – Воды мало, и неизвестно, дадут ли еще. Может быть, они решат немножко подсушить нас перед тем, как сжигать. Знаешь ли, обезвоженные тела лучше горят. А дрова нужно экономить. В наших лесах завелись шепотники, пьявицы, мясоверты, шипокрылы и прочая нечисть. Лес становится рубить все опаснее.

– Хватит. Спасибо. – Я отстранил рукой кувшин с водой и сделал попытку сесть. Это было непросто. Ноги мои были зажаты в огромной деревяшке с прорезями для щиколоток. А деревяшка была приделана толстой цепью к каменной стене. Весил этот чурбан, наверное, не меньше, чем я сам.

– Это что еще за дрянь? – поинтересовался я.

– Это ножные колодки. Личное изобретение господина Вальдеса. Он изобрел много интересных приспособлений, и все они предназначены для того, чтобы лишать людей свободы, подвергать их истязаниям и как можно болезненнее отправлять на тот свет.

– Ну дела... – Я подергал огромный замок, скреплявший сбоку две половины колодок и убедился, что сковали меня добросовестно и надежно. – Ты кто, старик?

– Я – Флюмер. – Старик поднялся в полный рост, приложил руку к сердцу и церемонно поклонился. При этом длинная борода его, раздваивающаяся в нижней своей части и аккуратно расчесанная, задела меня по лицу. Он был одет довольно опрятно – в серый камзол, серые штаны, обтягивающие тощие голенастые ноги. И пахло от него как-то приятно – тонкий аромат мяты пробивался как свежий ветерок сквозь застарелую густую вонь тюремной камеры. Одним словом, старик вызывал у меня явную симпатию. Он вовсе не был похож на ту крикливую шваль, что окружала меня на арене.

– А меня зовут Шустряк, – сообщил я. – Я боевой пес. Чемпион сезона, между прочим. Победил Бурого Черта. Только толку от этого – никакого. Я рассчитывал на то, что меня отпустят на свободу. А вместо этого угодил сюда...

Я обвел глазами помещение. То, что я увидел, нагоняло тоску – настолько смертную, что мысль о костре казалась избавлением. Каземат, в котором мы находились, имел тошнотворно грязные каменные стены и захламленный пол, он едва освещался жировым светильником. В этом-то как раз не было ничего особенного – трудно ожидать приличного вида от места, в котором держат людей, предназначенных для публичной казни. Ужасно было именно то, что мы здесь находились. Именно мы и именно здесь. И никаких шансов выползти из этого места у нас не было.

– Я тебя знаю, Шустряк, – сказал Флюмер. – Мы с тобой встречались пару раз до того, как попали в эту темницу.

– Да? – Я искренне удивился. – Я этого не помню. Извини, Флюмер, у меня что-то с черепушкой. Я не помню ничего, кроме сегодняшнего дня. Словно только сегодня на свет родился.

– Такое бывает, – старик заложил руки за спину и пошел по комнате, мусор захрустел под его ногами. – Так обычно и бывает с демониками. В течение двух недель после того, как они попадают в Кларвельт, с ними случаются всякие неприятности. У них периодически пропадает память, или отнимаются руки и ноги, или открывается желудочное несварение... Ты попал

сюда десять дней назад – я знаю это точно. Я следил за тобой. Я даже хотел укрыть тебя, но не успел – ты попал в руки святош.

– Значит, я все-таки демоник?

– Демоник.

– Но у меня же нет всяких там магических способностей, о которых говорил Вальдес...

– Они не успели проявиться. Ты здесь всего десять дней, Шустряк. Через четыре дня у тебя должны открыться демонические качества. Должны... Но они не успеют открыться. К большому сожалению для тебя, тело твое будет предано огню уже завтра. Вальдес успел вовремя. Он всегда успевает вовремя, у него звериное чутье на демоников.

– А что, мы, демоники, на самом деле такие мерзкие и злобные твари?

– Я в этом не уверен. Совсем не уверен... – Старик покачал головой. – Никто не видел, как демоник начинает творить зло. Доблестный и бдительный господин Вальдес всегда сжигает демонов до того, как они успевают войти в свою полную колдовскую силу. Но вот как раз это и кажется мне странным. Такое впечатление, что только Великий Инквизитор знает все о демониках. Более того, скажу тебе один секрет. – Флюмер наклонился ко мне и глаза его заговорщицки блеснули. – Когда-то в Кларвельте не было никаких демонов. Не и было и Вальдеса. Он появился лишь пятьдесят лет назад. Он объявил, что все беды нашего мира происходят от демонов. Госпожа Дум назначила его Главным Инквизитором. Вот тогда-то и появились эти самые демоники. И с каждым годом их все больше и больше. У Вальдеса всегда много работы.

– И что, то, о чем ты сейчас сказал, это большой секрет?

– Об этом не знает никто, – сказал Флюмер. В голосе его не прозвучало гордости за то, что он обладает особым знанием – скорее, присутствовали уныние и обреченность. – Не знают, потому что не хотят знать. Я говорил об этом людям, я пытался донести до них правду. И вот результат – я объявлен еретиком и попал в подвалы инквизиции.

– А ты откуда знаешь?

– Прочитал. Просто прочитал в книгах. Знаешь ли, еще сорок лет назад велась летопись Кларвельта и все события, происходящие в мире, имели должное документальное отражение. Теперь уже никто не помнит об этих летописях. Все наши горожане считают, что Вальдес существовал всегда, что он вечен в такой же степени, как и Госпожа. Но это не так. Я точно знаю дату его появления в нашем мире.

– Стало быть, он пришел *откуда-то* ? Так же, как и я?

– Именно так.

– И значит... – догадка лежала на поверхности, но все же мне приятно было, что я сам додумался до этого. – Значит, Вальдес – тоже демоник?! И магические способности у него есть! Эти его вытягивающиеся руки...

– Официальный постулат гласит, что Вальдес Длиннорукий – не демоник, хотя и похож на демоника. Его магическая сила – светлая, он олицетворяет собой добро и справедливость, в отличие от зла и разрушения, что несут с собой демоники. Он – пророк, или, если можно так выразиться, исполняющий обязанности пророка. Он пришел, чтобы очистить наш мир от скверны.

– Постулат... А как же факты? Как же книги, которые ты прочитал? В них есть истина...

– Истина существует только для меня. Люди больше не читают книг. Я – продавец книг, но люди больше не покупают их. Большинство из них и читать-то не умеют. Отцы их еще умели читать, но вот детей своих к чтению не приоблажили. Это неприлично теперь – читать книги. Считается, что благородный господин должен исполнять законы, платить налоги и слушаться Госпожу Дум. Вольномыслие не поощряется – за это легко угодить в инквизицию. А раз так, то зачем читать? Это опасно. Господин Вальдес и его прислужники уже давно рассказали о том, что следует знать приличному человеку. Остальное – лишнее.

– Да... – Я почесал в затылке. – Хорош ваш Кларвельт, нечего сказать... Мракобесие какое-то. Просто средневековье (я применил слова, поднявшиеся из глубин моей памяти, и они показались мне очень подходящими). Послушай, Флюмер, если я не ошибаюсь, "Кларвельт" означает "Светлый Мир"?¹ Что же светлого здесь, в вашем мире? – Я обвел рукой мрачную камеру. – Больше все это напоминает большую кучу грязи. Извини...

– Не стоит извинений. – Старик грустно улыбнулся. – Когда-то Кларвельт действительно был Светлым Миром. Не было кровавых боев, в которых ты имел несчастье участвовать. Не было разделения людей на псов и хозяев. Не было инквизиции, не было демоников и костров, на которых живьем сжигали людей. Благородные господа действительно были благородными. Именем Госпожи Дум не прикрывали отвратительные поступки. Даже подлости, лжи и беспросветной тупости, как мне кажется, было меньше. Я читал старые книги и плакал. Я скорбел о светлой эпохе, что описывалась в них и безвозвратно ушла в прошлое. Светлый Мир стал грязным и убогим, он издает запах разлагающегося трупа.

– Это Вальдес? Это он убивает ваш мир?

– Нет, дело не в Вальдесе. – Флюмер взволнованно взъерошил руками шевелюру – седую, не по-стариковски пышную. – Вернее, не только в нем. Вальдес – всего лишь червь, который завелся в ране. Один из многих червей, что завелись в ранах нашего мира за последние столетия. Все дело в Госпоже Дум. Она больна. Мне даже кажется, что она умирает. Она уже не следит больше за тем миром, который создала. Она уже не обращает больше внимания на таких рассадников заразы, как Вальдес.

– Госпожа Дум – ваша богиня? Почему вы думаете, что именно она создала мир? Может быть, и нет никакой Госпожи, и все это только выдумка, миф?

– Ты пришел из другого мира, ты не понимаешь этого! – Флюмер посмотрел на меня сердито, как на богохульствующего недоумка. – Может быть, в вашем вельте совсем по-другому. Но для нас, жителей Кларвельта, Госпожа Дум – это не выдумка! Это даже не абстракция! Она живет в наших умах, она повелевает нашими душами! Мы слышим ее голос!

– А ее видел кто-нибудь из людей? Как она выглядит?

– Нет, никто не видел ее. Мы только слышим ее голос – иногда добрый, иногда грозный, но всегда повелительный. Она живет в Замке Дум. Замок этот находится в самом центре Кларвельта. Любой человек может увидеть этот замок, но никто не может зайти внутрь. Ибо это лежит за пределами человеческого существования.

– Инквизиция... Великий инквизитор Вальдес... Сжигание еретиков и демонов... – Я обдумывал все то, что услышал. – Знаешь, Флюмер, я не помню ничего о том мире, из которого я пришел, но вся эта мерзость кажется мне удивительно знакомой. Мне кажется, если бы я вспомнил свое прошлое, то смог бы объяснить многое из того, что у вас происходит.

– Ты уже не вспомнишь свое прошлое, – уныло констатировал старый Флюмер. – Не успеешь. Я не знаю, откуда берутся демоники – из вашего мира или из каких-то других вельтов, но Вальдес заботится о том, чтобы они не успели ничего вспомнить. И у него это всегда получается. Всегда.

Да, делишки... В хорошую историю я вляпался. Я улегся на пол, подложив руки под голову. Мне хотелось думать о чем-нибудь хорошем в эти последние часы моей жизни. Но что хорошего я мог вспомнить? Вальдес не оставил мне времени на то, чтобы воскресить свою память.

Обидно было умирать так – помня только один день из собственной жизни. Причем день настолько отвратительный, что хуже не бывает.

Обидно.

¹ От немецкого Klar Welt – "Светлый Мир".

И куда пропала эта девчонка с китайскими глазами? Она выручила меня там, на арене. Кто она такая? Демоник? Но если она демоник, то почему всеведущий Вальдес до сих пор не учуял ее?

Я лежал и пережевывал десяток неразрешимых вопросов. Это было единственным, что мне оставалось делать.

* * *

Снаружи тяжело лязгнул засов. Толстая дубовая дверь камеры распахнулась и сырой свежий воздух, ворвавшийся из коридора, показался живительным вестником свободы. Однако, это не было истинной свободой – скорее, иллюзорным ее отпечатком, быстро растворившимся в смердящей реальности тюремного склепа. Два стражника – рослых и красномордых, быстро вошли и встали по обеим сторонам двери. За ними вразвалочку вошел...

Вальдес? Я почувствовал, как живот свело судорогой от страха. Я не был пугливым, но Вальдес с его руками, вытягивающимися на двадцать шагов, привел бы в ужас и не такого, как я.

Нет, не Вальдес. Это был человек, старавшийся во всем походить на Вальдеса. Такая же короткая стрижка, светлые, а может быть, специально покрашенные под блондина волосы. Такой же черный плащ и фальшивая улыбка, приклеенная к бледному вытянутому лицу. Но до Вальдеса он явно не дотягивал – ни по росту, ни по жестокой холодной силе. В конце концов, если есть Великий Инквизитор, то, наверное, существуют и просто инквизиторы – не великие. Инквизиторы мелковатые и нагловатые.

– Эй ты, ничтожный еретик! – Инквизитор ткнул пальцем во Флюмера. – Я вижу, ты тут неплохо устроился. Можно сказать, благоденствуешь на казенных харчах. Пойдем, еретик, сейчас мы поговорим с тобой. Поговорим по душам. Ты ведь любишь вести философские беседы, да, еретик?

– Отпустите меня... – Флюмер растерянно пятился назад. – О чем с вами можно разговаривать?

– О чем разговаривать? – Инквизитор ухмыльнулся и стражники дружно хохотнули по сторонам от него. – Ты расскажешь нам много всего интересного, плохой старик! У нас есть специальная комната, где люди становятся очень разговорчивыми! Там есть всякие умные приспособления, которые заставляют болтать таких плохих, грязных людей как ты, со всей скоростью, на которую способен ваш лживый язык! Ты выдашь нам всех своих сообщников, а когда они попадут в нашу обитель закона и справедливости, то в свою очередь выдадут нам всех, кого знают они. Мы вырвем ваше гадючье гнездо еретиков со всеми корнями!

– У меня нет никаких сообщников! – сказал Флюмер. Он держался мужественно, хотя видно было, что сердце его разрывается от страха. – Сожгите меня, если уж так мне суждено и справедливость умерла в этом мире. Но не трогайте больше никого. Никто не виноват в том, что я знаю правду и отказываюсь признавать вашу ложь.

– Заткнись, сучий ублюдок!!! – Голос инквизитора повысился до визгливого фальцета. – Ты думаешь, что легко отделаешься? Думаешь, что мы предадим огню твое старое дряхлое тело, сожжем его, и на этом все закончится? Ну уж нет! Мы знаем, что такие мерзкие рассадники зла, как ты, не существуют в одиночку! Вам обязательно нужно собрать себе подобных, сплотиться в маленький смердящий кружок, шептаться за спиной у благородных граждан, распространять идиотские слухи, порочащие Святую инквизицию, Книгу Дум и даже саму Госпожу! Вы любите мерзко хихикать над благопристойными господами, воображая себя умными и свободомыслящими. Так вот, посмотрю я, как ты захихикаешь сегодня под пытками! Как ты будешь рассуждать о правде, вычитанной из дурацких книжонок, когда тебя растянут веревками на дыбе и загонят иглы тебе под ногти. Как ты будешь булькать о справедливости, когда

в твой вонючий рот через воронку будут вливать ведро воды. Как ты во всю глотку завопишь о гибели Светлого Мира, когда тебя посадят на кресло с шипами и начнут закручивать винты!..

Боже мой, как все это было мне знакомо... Я вдруг осознал, что когда-то, в настоящей своей жизни, уже слышал такие омерзительные слова. Возможно, я даже когда-то побывал в инквизиции. И сейчас каждое слово этого негодяя впивалось в мой мозг раскаленным стержнем. Я испытывал невероятные муки, потому что осознал, что не могу встать и заставить замолчать этого безнаказанного садиста.

– Эй, ты, инквизитор, заткни хайло! – сказал я. – Ты недостойн даже того, чтобы ловить вшей в бороде этого благородного и образованного господина. Зачем тебе нужно подвергать его пыткам? Чтобы узнать имена сообщников? Черта с два! Просто ты хочешь получить свое тупое собачье удовольствие. Ты будешь смотреть на то, как он мучается, и язык твой будет высунут от похоти и вожделения, и слюна будет капать с него. И каждые полчаса будешь выбегать в соседнюю комнату, чтобы подрочить и кончить на стену. Потому что ты не можешь сделать этого с женщиной. А все твои слова о торжестве закона и Святой инквизиции – не больше чем головка твоего вонючего члена, засунутая между твоими скрюченными пальцами...

Я не успел договорить. Инквизитор сперва побледнел, затем побагровел, а потом подскочил ко мне и въехал носком своего тяжелого сапога прямо мне в челюсть. Я не отрубился, но способность к членораздельной речи пропала. Я попытался сказать ему, что когда удеру из этой тюрьмы, сделаю из него отбивную, но смог издать только невнятное мычание.

– Поистине, демоники – самое отвратительное отродье, когда-либо существовавшее в мире, – заметил инквизитор. – Чего вылупились? – прикрикнул он на стражников. – Берите еретика Флюмера и тащите его в пыточную. – А тобой, Шустряк, – он наклонился надо мной и дыхнул на меня чесночной отрыжкой, – я займусь через пару часов. Обычно мы не пытаем демоников, мы просто жарим их на огне, как поросят. Они прекрасно прожариваются, эти демоники. Но ты, Шустряк, заслуживаешь особого внимания. И я уделю тебе особое внимание. Я думаю, что ты оценишь искусство моего душевного разговора. Ты почувствуешь его всем своим существом. Каждой дрянной частицей своего тела...

Флюмера уволокли, дверь снова захлопнулась на засов. Я лежал в одиночестве и раздумывал, хорошо ли иметь такой длинный и подвижный язык, как у меня. Пожалуй, меня не зря прозвали здесь Шустряком. За острым словом в карман я не лез.

На этот раз мой язык, кажется, втянул меня в очередные неприятности – еще большие, чем существовали до сих пор. Я как-то забыл, что костер – это еще не самая худшая пакость, которую способны придумать люди.

Плохие люди.

* * *

Не знаю, долго ли я так провалялся. Поскольку мне нечего было вспомнить, я отчаянно скучал. Я фантазировал, заменяя реальность тем, чем я способен был ее заменить. И когда дверь снова закрипела и открылась, я уже составил в своей голове совершенно безумный план. В конце концов, мне нечего было терять – все равно меня должны были убить завтра. А уж если учесть то, что меня собирались подвергнуть пыткам, то имело смысл умереть до того, как меня начнут истязать. Короче говоря, я уже подписал себе смертный приговор, но перед тем, как его приведут в исполнение, я собирался здорово испортить жизнь тем инквизиторам, которые попадутся мне под руку. В особенности тому, который пиннул меня ногой в лицо. Я знал, что мне вполне по силам сделать это. В конце концов, если уж я разделался с профессиональным бойцом Бурым Чертом, то со стражниками и инквизиторами разберусь тем более. Главное – не спешить, сказал я себе. Не делай преждевременных движений, Шустряк. Пусть с тебя снимут

колодки. Пусть тебя отведут в пыточную, где может оказаться множество полезных вещичек, могущих выступить в качестве подручных средств для обороны и нападения. А там увидим...

Я увидел проблески света в своей совершенно никчемной жизни.

Итак, дверь снова распахнулась и двое стражников затащили внутрь то, что еще недавно можно было назвать человеком. Человеком по имени Флюмер. Теперь это скорее можно было назвать куском окровавленного мяса, завернутым в лохмотья одежды. Стражники бесцеремонно кинули его в угол камеры и повернулись ко мне.

– Эй ты, демоник, – сказал один из них. – Я слышал, что ты – знатный драчун? Скажи честно – сейчас ты не собираешься помахать кулаками? Если собираешься, то я оглоушу тебя, и оттащу в пыточную так как оно есть – без сознания. Но на твоём месте я пошел бы туда своими ножками. Потому что я иногда не рассчитываю свои маленькие силенки и оглоушиваю насмерть.

– Я не буду драться, – сказал я честно и скромно. – Я буду вести себя смирно, как овечка. А вы, ребята, делайте то, что вам положено. Против вас я ничего не имею.

Они приблизились ко мне. Смотрели на меня с опаской – видать, все же сомневались в моей кристальной честности. У одного из них в руках был здоровенный ключ.

– Поосторожнее с ним, – сказал он другому стражнику. – Я отопру колодки, а ты приставь алебарду к его башке. Начнет дергаться – руби. Нечего с ними, с демониками, церемониться.

Он наклонился и вставил ключ в замок. Алебарда застыла совсем рядом с моей головой. А я уже приготовился к действиям. Я передумал идти в пыточную. Я решил, что сразу, как только колодки откроются, засвечу ногой в морду одному стражнику и одновременно выдерну алебарду из рук у другого. Я надеялся успеть.

Но я не успел. Потому что, как только замок открылся, тот стражник, что стоял у меня над душой, с размаху въехал другому по голове древком алебарды. Бедняга скрючился на полу и схватился за сильно ушибленную головушку. А стражник, ударивший его, отскочил к стене и остался вне зоны моей досягаемости.

Наверное, я должен был сразу вскочить и напасть на второго стражника. Но я слишком обалдел, чтобы сделать это. Я смотрел на него и не мог закрыть рот.

– И чего ты ждешь, Шустряк? – поинтересовался стражник. Голос его был довольно тонким, можно сказать, женским. – Вставай, милый мой. Нам надо уходить отсюда.

Рот мой открылся еще шире. Выглядел я как полный идиот. Я чего-то не понимал.

– Ты... Это... Ты его чего? – промямлил я. – Вы что, типа, поссорились?

– Нет. Просто он мне мешал. Я пришла за тобой.

"Пришла?" Я моргнул глазами и вдруг вместо здоровенного стражника в кирасе увидел девушку небольшого роста, в просторной рубашке, подвязанной пояском и широких штанах – явно не местного покроя. Ту самую китайскую девушку, что помогла мне сегодня во время боя. Очень миленькую, можно даже сказать, красивую.

Я моргнул еще несколько раз, но девушка не пропала – так и осталась девушкой. Не могу выразить, до чего мне было приятно ее видеть – и не только потому, что она пришла выручать меня. Мне показалось, что в той моей забытой жизни у нас с ней были дружеские отношения. Может быть, даже более, чем дружеские.

– Чего моргаешь? – спросила она. – Ты что, не узнаешь меня?

– Узнаю. Почти. Только вот имени вспомнить не могу. Я забыл все. Извини.

– Ничего страшного. Со мной тоже такое было, когда я попала сюда. Но потом я все вспомнила. И ты вспомнишь.

– Как тебя зовут?

– Цзян. – Странное ее имя прозвучало как звон китайского колокольчика на ветру. – Хватит болтать – у нас нет времени. Ты можешь встать?

– Конечно! – бодро заявил я, и попытался вскочить по-молодецки, но оказалось, что я отлежал обе ноги. В результате подъем мой происходил медленно, с неприличным кряхтением, поминанием нечистой силы и чьей-то матери (чьей конкретно, не помню). К счастью, теперь я был не одинок. Девушка Цзян протянула мне руку помощи. Если говорить точнее, она схватила меня за шиворот и решительным рывком придала мне вертикальное положение. Для девушки столь изящного сложения она была на удивление сильной.

– Пойдем!

– Нет, подожди! – Я стоял, прислонившись к стене и чувствовал, как кровь притекает к моим бедным ножкам. – Нам надо взять с собой вон того человека – Флюмера.

– Ты что? – Цзян посмотрела на меня с недоумением. – Зачем он тебе нужен?

– Не мне, а нам. Он нужен всему этому миру. А в этой тюрьме его убьют. Это Флюмер, книжник...

– Я знаю, кто он такой. – Цзян озабоченно сжала губы, покачала головой. – Проблема в том, что он не сможет идти сам. Кто его потащит – ты?

– Я, – заявил я. – Я уже очухался. И без него не уйду.

Я пересек комнату и склонился над беднягой Флюмером. Досталось ему изрядно – он был весь в крови. Он лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Но, по крайней мере, он был жив. В такой ситуации и это – немало.

Я взял кувшин и вылил остатки воды Флюмеру на голову. Старик застонал и открыл глаза.

– Пить... – попросил он.

Я заглянул в кувшин и понял, что только что совершил очередную глупость. Воды в кувшине больше не было.

– Флюмер, старина, – произнес я бодрым голосом. – Пойдем отсюда. Скоро у тебя будет воды сколько захочешь. Ты сможешь даже постирать свою бороду. Давай уходить, мне здесь не нравится.

– Что случилось? – Старик приподнялся и я увидел, что он с ужасом смотрит на нечто, находящееся за моей спиной. Я быстро оглянулся и увидел громилу-стражника с алебардой.

– Не бойся, Флюмер. Этот стражник – наш человек, – сказал я, хотя уже не был в этом уверен. Я вконец уже запутался во всех этих превращениях. Я даже слегка согнул ноги, собираясь прыгнуть на стражника, если он начнет делать что-то не то. Но стражник только нетерпеливо стукнул древком алебарды по полу и сказал голосом Цзян:

– Шустряк, я с уважением отношусь к твоему любимому занятию – спасать несчастных узников из застенков инквизиции. Но если ты будешь медлить еще хоть полминуточки, то самого тебя не спасет уже ничто.

– Я никуда не пойду... – забормотал старик. – Нас все равно поймают. Я не могу идти, я не могу даже встать...

Под это бормотание я нежно обхватил Флюмера, положил его себе на плечо и зашагал по направлению к двери. Весил он немного. Пожалуй, я выдержал бы, если бы нес даже двух таких Флюмеров.

– Флюмер, дружище, заткнись, – сказал я ласково. – Ты производишь слишком много шума. К тому же у тебя противный тембр голоса.

Старик замолчал.

Мы шли и шли, все время сворачивая в какие-то новые коридоры. Впереди двигалась Цзян, которая удачно выглядела стражником. Похоже, она уже основательно изучила это здание. Прежде чем войти в новое ответвление довольно запутанного лабиринта, она заглядывала туда, убеждалась, что проход свободен, и только после этого запускала нас с Флюмером.

Когда я уже начал громко пыхтеть и пришел к убеждению, что во-первых, старикан Флюмер не так уж и легок, а во-вторых, зря я его с собой прихватил, Цзян тихо сказала:

– Все. Дальше – выход. Пока нам везло и мы никого не встретили. Мы и не должны были никого встретить – сейчас ночь, а ночью в Обители Закона пусто. Но у входа всегда стоят двое стражников. Что мы будем делать?

– Скажешь им, что ты сопровождаешь нас куда-нибудь по высочайшему указанию господина Вальдеса. Например, на место казни для предварительной тренировки.

– Чушь. – Цзян фыркнула. – Что-нибудь поумнее можешь придумать?

– Притворись самим Вальдесом. Ты же мастер перевоплощения.

– В Вальдеса не смогу. Я пробовала, у меня не получилось.

– Ладно. Тогда сделаем так. – Я с удовольствием положил Флюмера на пол и начал нашептывать свой план девушке на ухо.

План ей понравился – по-другому и быть не могло. Я подумал, что являюсь неплохим тактиком, а может быть, даже стратегом. Мой план действий, несмотря на некоторую сложность и изощренность, отличался изящностью и полным учетом всех специфических особенностей места его проведения. Я даже решил, что при желании мой талант позволит мне руководить небольшой (да почему же небольшой? Большой!) армией.

Короче говоря, план был задуман, разработан и выполнен тщательно и скрупулезно, пункт за пунктом. Справились мы с ним на удивление легко. Выглядело это так: мы подошли к стражникам, я дал по морде одному, Цзян другому. После чего мы связали их подручными средствами и покинули Обитель Закона, не забыв прихватить с собой Флюмера, который к этому времени оправился настолько, что стал передвигаться на собственных нижних конечностях.

Мы оказались на свободе.

День, который начался погано, закончился не так уж и плохо.

ГЛАВА 3

Итак, мы двигались по городу. Рассвет уже вытеснил из города тьму: бесшумно, сонно вполз на узкие улочки, вылепил из ночной бесформенности дома, деревья, фонари, булыжную мостовую, растушевал их одинаковой дымчато-серой краской. Я удивленно озирался. Определенно, было в этом городе что-то ненормальное. Я еще не мог сказать что именно, поскольку не помнил, как должен выглядеть *нормальный* город. Издали каждый дом казался красивым, но когда мы подходили к нему, то непременно обнаруживались признаки какой-нибудь домовьей болезни: ревматически покосившиеся углы, штукатурка, отслоившаяся неровными пластами, червоточины дыр в черепичных крышах, окна, потерявшие свою форму – уставшие сохранять свою прямоугольность и сползающие вниз по стене. Это выглядело так, словно люди не умели ремонтировать свои дома. Не умели, потому что это никогда не было нужно, а теперь вдруг понадобилось, но навык так и не появился. Мы проходили одну улицу за другой, и везде было одно и то же. Нам встречались здания разной формы и высоты, разных архитектурных стилей, но во всех них было что-то общее. Кто-то построил весь этот город одновременно, – пришло мне в голову. Кто-то выстроил город много веков назад, сообразуясь собственными желаниями и вкусами, населил его людьми – такими, какими он хотел бы их видеть. С любовью и старанием украсил город милыми изящными деталями, подобающими скорее женской романтической натуре, чем рациональной мужской. И веками поддерживал чистоту и уют в своем городе, а может быть, и чистоту мыслей его обитателей. Чистоту *дум*. А потом потерял способность делать это. Город начал расплзаться по швам, и чистота мыслей сменилась грязью.

Я увидел фонтан на городской площади. В центре фонтана находилась высокая статуя красивой обнаженной женщины – совершенного создания, предназначенного для любви и счастья. Только лицо этой женщины было искажено болью и невыносимой мукой. Огромные толстые змеи, отлитые из позеленевшей бронзы, окружали ее, и кровь, что била из их открытых пасть, струями текла по белому мраморному телу статуи. Да нет, пожалуй, это была не статуя. Это была настоящая, живая женщина! Она вздрагивала, передергивалась в судороге, когда очередная из змей устремляла вперед свою треугольную голову и вцеплялась в нежную человеческую плоть, оставляя неровную рваную рану. Женщина кричала – страшно, беззвучно. Она пыталась избавиться от оцепенелого своего состояния, преодолеть скованность, чтобы вырваться из круга змей, и не могла этого сделать.

– Проклятые твари! – Я наклонился, поднял булыжник, вывернувшийся из мостовой, и запустил им в голову одной из рептилий. Бросок был точен, но камень пролетел сквозь голову змеи, миновал его беспрепятственно, как бестелесный призрак. Женщина повернула ко мне голову и я увидел, как узнавание появилось в ее глазах – смутное, недоуменное, продирающееся сквозь вязкий туман забвения.

– Что это за фонтан? Что за извращенец его построил? – Я схватил Флюмера за руку.

– Это? – Флюмер шурился, подслеповато всматривался в центр площади. – Раньше этого фонтана здесь не было. Думаю, что и сейчас его нет. Это всего лишь сон.

– Чей сон? Наш?

– Сон Госпожи Дум. Сейчас она спит. Люди редко ходят по городу ночью. Но говорят, что если выйти на эту площадь перед рассветом, то можно увидеть сон Госпожи. И еще говорят, что сны ее стали ужасными, такими, как это, – старик вытянул руку вперед и показал на фонтан. – Раньше эта площадь покрывалась ночью благоухающими цветами, и по ней бродили золотые олени. Раньше все было по другому. Госпожа была здорова...

Я уже знал, что у этого мира был свой создатель, свой Бог, а точнее, Богиня. Знал, что местные жители называют это сверхъестественное существо Госпожой Дум. Я также знал мне-

ние книгочея Флюмера, что Госпожа больна. И сейчас, глядя на город, я вынужден был согласиться с его мнением.

Ситуация, в которую я попал, совершенно меня не устраивала. В центре больного города я чувствовал себя как Иова во чреве кита, больного раком. А возможно, даже и кита, сходящего с ума.

(Иова? Кто это такой, кстати? Кто-то из моих прежних знакомых?)

Внезапно женщина издала вопль – такой пронзительный, что уши мои заложило. Тоска была в этом протяжном вое, и голод, и неукротимая ярость, и угроза – явная, плотная, как ураганный ветер пурги, превращающий кожу случайного путника в заледеневшую жесткую корку. Нежная матовость тела женщины прорвалась сразу в сотне мест кровавыми дырами, тысячи маленьких черных существ полезли сквозь раны, выбираясь наружу. Они спешили, яростно работали острыми членистыми конечностями, раздирая кожу, шлепались в кровь, заполняющую чашу бассейна, перелезали через ее края... Они уже неслись к нам, покрывая мостовую своими блестящими телами, издающими сухой шелест от трения друг о друга.

Первой опомнилась Цзян.

– Бежим отсюда! – взвизгнула она. – Они нас сожрут!

Мы промчались по улице не меньше пяти сотен шагов, волоча за собой задыхающегося Флюмера. Только после этого я позволил себе оглянуться.

Нас никто не преследовал. Наверно, сон Госпожи не распространялся за пределы этой площади. Впрочем, это было не так уж и важно.

– У меня тоже бывают ночные кошмары, – сказал я. – Не позавидовал бы я тому постороннему, кто заглянул бы в такой сон. Что, во всем Кларвельте так?

– Во всем. Везде так, и по другому быть не может, – просипел, переводя дыхание, Флюмер. – Я знаю, что я – живой, самостоятельный человек, зачатый родителями, рожденный матерью, существующий во плоти, имеющий свой разум, суждения и чувства. Я знаю, что все, кто меня окружает – это такие же люди, как я. Но иногда мне кажется, что нас нет. Что мы – лишь плод воображения Госпожи Дум, обрывки ее мыслей, изменчивые и зависимые от состояния ее умственного здоровья.

– Не везде так, – произнесла Цзян. Во время бегства с площади она снова превратилась из стражника в девушку – наверное, так легче было бежать. – Не во всем Кларвельте так. Флюмер, ты давно был за пределами города?

– Давно. Пожалуй, так... Давненько...

Старик не умел врать, и даже маленькая неправда смущенно искажала его лицо, перекраивала морщины на свой манер. Скорее всего, за чертой города он не был никогда в жизни. Что ему было там делать? Какая надобность была покидать пределы обжитого, знакомого города, если о том, что творится вне его, можно было вычитать из книг?

– Ты когда-нибудь был на отдаленной ферме? Разговаривал с крестьянином, выращивающим хлеб и разводящим коз?

– Ну да, конечно. – Старикан продолжал врать. Непонятно, зачем ему это было нужно. Может быть, его достоинство уязвляло то, что девушка-чужак знает о его мире больше, чем он сам?

– Ну и как тебе крестьяне?

– Ну как? – Флюмер пожал плечами. – Туповатые, исполнительные люди. Неучи с плохими манерами. Созданы Госпожой Дум, чтобы поставлять пищу к столу благородных горожан и снабжать их всем необходимым для правильной жизни...

– Во, видел? – В глазах Цзян появился ироничный блеск. – Понял, Шустряк, кого ты вытащил из Обители Закона? Знаешь, почему он так говорит? Знаешь, почему он и на самом деле так считает? Потому что так написано в Книге Дум! Он уверен, что он – прогрессивное, свободомыслящее существо. А в действительности он мало чем отличается от всех этих горо-

жан – пузатых, мелких и вонючих. Они ведут тупое существование здесь, в разваливающемся городе: толпами собираются на кровавые зрелища, жрут, пьют вволю и грызутся между собой. Они считают, что это – правильная жизнь! Что так должно быть, потому что по-другому быть и не может. И в чем-то они правы. Суть состоит в том, что здесь, в городе, другой образ жизни немислим. Влияние этой извращенной твари, Госпожи Дум, отравляет их сознание...

– А что, где-то может быть по-другому?.. – воскликнул книгочей, собираясь, очевидно вступить с Цзян в научный диспут. – Ты, жалкая демоничка, отродье ада, смеешь порочить светлое имя Госпожи...

– Флюмер, замолчи, – спокойно сказала девушка. – Сейчас мы выберемся за черту этого гнилого городишки и ты увидишь все своими глазами. Есть еще места, где Кларвельт можно назвать Светлым Миром. Они опасны, эти места, в них много странного. Но там легче дышать...

– Уйти из города?! – Старик весь передернулся от такого ужасного предложения. – Нет, это невозможно! Там такое... Горожанин не может там жить. Я слышал рассказы тех, кто побывал там. Болезнь Госпожи отражается на окраинах мира еще хуже, чем самом городе!

– Ты что, намерен остаться здесь?

– О, да. Конечно! Я спрячусь здесь надежно. Это мой город – я знаю его как свои пять пальцев. И здесь есть люди, которые помогут мне. Не все здесь безнадежно испорчены.

– Тебя найдут очень быстро, – уверенно произнесла Цзян. – Госпожа не слышит нас, демоников, и именно поэтому мы для нее так опасны. Но она услышит тебя. Она определит место, где ты скрываешься, безо всякого труда. И тогда господин Вальдес с удовольствием придет с тобой побеседовать. Я же говорила тебе, Шустряк – нет смысла вытаскивать его из тюрьмы. Не знаешь ты этих горожан...

– Я знаю, как избежать этого, – сказал старикан еле слышно, оглядываясь по сторонам. – Есть специальное заклинание, которое оградит меня от проникновения Госпожи. Это заклинание находится в Книге Сокровенных Мыслей. Вальдес знает, что у меня припрятана эта книга. Он догадался об этом. Он схватил меня, чтобы заполучить ее в свои лапы. Но он просчитался. Вы освободили меня, и теперь я стану *неслышимым*. Стану очень скоро. Я должен успеть это как можно скорее – пока не проснулась Госпожа. И я сделаю это – клянусь Госпо... О, нет! Клянусь честью!

– Откуда ты знаешь, что ваша Госпожа спит?

– Все мы знаем это. Я услышу, когда она проснется.

– Ну ладно, удачи тебе. – Я похлопал старикана по плечу. – Кстати, ты легко отделался сегодня. Почему этот чертов инквизитор не выбил из тебя сведения, где находится Книга Сокровенных Мыслей?

– Фридрих? – Старик вздрогнул, когда произнес имя инквизитора. – Он перестарался, этот жестокий болван. В чем-то я даже переиграл его. Я быстро потерял сознание и был уже ни на что не пригоден. Я плохо переношу боль. Фридрих слишком рьяно взялся за дело – меня нужно было только щипать, а он приказал рвать мою кожу крючьями. Я думаю, сегодня он даже испугался, что убил меня. Я очень ценен для инквизиции. Я предназначался самому Вальдесу – уж он-то знает дело допроса как никто другой...

– Все, достаточно! – Цзян поднесла палец к губам. – Мы уходим, Флюмер. Будем надеяться, что тебе повезет. Нам, впрочем, удача тоже не помешает. Пока.

Флюмер обнял меня на прощание, шепча слова благодарности. Его макушка не доставала мне даже до шеи. Я почувствовал как дрожит его старое изможденное тело. Он бодрился, но кто мог сказать, что получится из его дерзкой затеи – уйти из-под влияния Госпожи? И кто мог сказать, что получится из Флюмера после того, как он этого влияния лишится?

Для них это было естественно – быть пленниками чужой воли. Они никогда не были свободными.

Никогда.

* * *

Улицы города лучами сходились к центру города – я уже знал, что там находится дворец, в котором обитает Госпожа Дум. Флюмер сказал мне, что здание это очень необычно, и я с удовольствием полюбовался бы на него. Но жизни наши были в опасности, и чем ближе к дворцу, тем эта опасность была больше. Мы спешили, почти бежали, двигаясь все дальше от центра. Я ожидал, что в конце концов мы упремся в городскую стену. Но стены не было. Не было и границ города как таковых – просто с каждой тысячей шагов дома становились все разреженнее, уже не наползали друг на друга, не старались вытянуть вверх как можно больше этажей. самого города становилось все меньше и меньше, и все больше – открытого пространства. Наверное, с увеличением расстояния от дворца влияние Госпожи Дум рассеивалось и те, кто стремился жить под ее контролем, старались выстроить жилье поближе к своей повелительнице, своей Богине.

Здесь, на окраине города, дома были не столь помпезными и богатыми, никто уже не ставил на крышу флюгеры из золота и не украшал углы зданий красивыми, но бесполезными башенками. Булыжную мостовую сменила простая земля, к счастью, сухая, но все же носящая следы глубоких борозд от колес. Наверное, проехать в дождь здесь было совсем не просто. Зато дорога стала шире, деревья – многочисленнее, выше и зеленее. Воздух очистился от вони, присущей скоплению множества человеческих тел и пропитавшей центр города. И дома уже не выглядели перекошенными паралитиками. Чувствовалось, что люди здесь умеют чинить свое имущество и способны производить что-то своими руками. Вероятно, они не были столь "благородными", как жители центра, но зато вели более самостоятельный образ жизни и меньше зависели от воли высшего разума. Думать об этом было приятно мне – демонику, существу, пришедшему в этот мир извне и никак не зависящему от Госпожи.

Вскоре дома изредели окончательно и пейзаж, представившийся нашим глазам, наполнил сердце мое радостью. Местность, прежде совершенно плоская, сменилась невысокими холмами, украшенными зелеными шапками рощиц. Ровные долины между холмами были расчерчены аккуратными прямоугольниками обработанных полей. Синие озерца, как глаза просыпающейся после сна земли, безмятежно смотрели в небо – чистое, без единого облачка. Кларвельт все больше становился Светлым Миром.

На обочине дороги стояла телега. Лошадь, впряженная в нее, опустила голову и щипала траву. Время от времени она делала несколько шагов вперед, перебираясь на новое место. При этом упряжь натягивалась, вздрагивали оглобли, со скрипом проворачивались деревянные колеса и покачивались огромные босые ступни, что торчали из-под рогожки на телеги. Громкий молодецкий храп, что доносился из телеги, был слышен на расстоянии полусотни шагов.

– Крепко дрыхнет, – тихо произнес я, обращаясь к Цзян. – Это хорошо. Надеюсь, мы его не разбудим. Лишние свидетели нам ни к чему.

– Ага, – согласилась девушка и тут же пощекотала грязную подошву спящего соломинкой. Нога дернулась и исчезла под рогожкой. Храп немедленно прекратился. Я едва сдержался, чтобы не обругать мою попутчицу неприличными словами. Я схватил ее за руку, намереваясь сбежать и спрятаться где-нибудь в придорожных кустах.

Впрочем, я опоздал. Человек в телеге резко принял сидячее положение, рогожка слетела с его головы и явила миру розовощекую заспанную физиономию, светлую шевелюру, невероятно взъерошенную и напоминающую сорочье гнездо, и два маленьких, сонно моргающих глазика бледно-голубого цвета. Если бы это существо, столь похожее на поросенка, начало хрюкать, я бы нисколько не удивился. Но оно запустило здоровенную лапу в спутанные волосы, почесало затылок, и сказала:

– Здорово, Зян. Ты чево? Уже тово? А тырки?

– Ага. – У Цзян столь сложная фраза, преисполненная тайного смысла, не вызвала ни малейшего удивления. – Доброе утро, Трюф. Как спалось?

– Хорошо дрыхлось. – Круглые глазки здоровяка изучали меня с некоторым недоверием. – Я говорю, тырки купила?

– Да купила я твои тырки! – Девушка протянула парню связку каких-то желтых палочек, перевязанных бечевкой. – Шустряк, познакомься, это Трюфель. Мой друг.

– Здравствуйте, господин Трюфель, – церемонно произнес я, приложил руку к сердцу и слегка поклонился. – Безмерно рад засвидетельствовать свое глубокое почтение...

– Господин, скажешь тоже!.. – Трюфель развязал бечевку, сунул в рот сразу несколько палочек из связки и захрустел ими с безмятежным удовольствием, как мальчишка. – Хорошие тырки! Сладкие! Почему брала?

– Три флорины за пучок.

– Три?! – Светлые, едва обозначенные бровки Трюфа изумленно поползли вверх. – Да они там очумели совсем! Гадкие жадины! Гадкие!

– Ладно, Трюф, успокойся! – Цзян полезла в телегу. – Это мой подарок тебе. Я вам всем по связке купила. Кушайте на здоровье.

– Три флорины... Гадкие жадины! – бормотал парень, выбираясь из-под своей рогожки и усаживаясь поудобнее. – Да я за три флорины... Эй, ты, как тебя там? Шустряк! Чево стоишь? Садись. Поехали.

Он лениво хлестнул лошаденку по крупу вожжами. Телега закрипела всеми колесами и медленно тронулась с места. Я плюхнулся в душистое сено, лег на спину. Повозка двигалась по дороге, перекашиваясь на неровностях и подпрыгивая на ухабах. Я жевал соломинку и смотрел в небо.

– Слышь, Шустряк, а ты что, взаправду всех в этом году победил? – Трюфель чавкал своими палочками и я с трудом разбирал его речь. – Чемпиёном, сталбыть, стал?

– Взаправду.

– Тут вчера вечером промимо меня один кожевник проходил. Он говорил, что Бурбосе пятьдесят плетёв врезали. А потом в енквизицию забрали. За то, что он демоника укрывал. Тебя, сталбыть.

– Так ему и надо, – заметил я.

– Нет, это все равно нечестно! – произнес Трюфель со всей горячностью, на которую только была способна его флегматичная натура.

– Что нечестно?

– Вот он, к примеру, демоника укрывал, и ему, как господину, только пятьдесят плетёв. А ежели узнают, что я, крестьянин, демоников прячу, то с меня енквизиторы шкуру живьем сдерут! Это что, честно? Я, может, тоже только плетёв хочу? Мне чево пятьдесят плетёв? Тьфу!

– А чего же ты тогда нас прячешь? – поинтересовался я.

– А кого хочу, того и прячу, – заявил Трюфель с неожиданным упрямством. – По мне, так вы, демоники, на хороших людей похожи востократ больше, чем эти благородные вонючки. Вон, Зян, к примеру... Как увижу ее, так просто дух внутри перешибает от приятности. Зян, ну так ты замуж пойдешь за меня? В который раз спрашиваю! Иди, не пожалей! У меня знаешь сколько еды! За месяц откормлю тебя – толще меня будешь!

– Не пойду, – сонно отозвалась Цзян.

– А чево?

– Не хочу быть толще тебя.

– Да я пошутил! Не хочешь, не ешь. Мне, может, худенькие нравятся?

– Трюф, отстань. – Цзян проснулась окончательно, потерла кулачками глаза. – Шустряк, ты не спишь?

– Нет.

– Как ты себя чувствуешь? – Девушка передвинулась ко мне поближе и положила голову на мою грудь.

– Так себе... Главное, жив остался. Это многого стоит.

– Ты живой, милый мой. Слава Богу! Я думала, что не успею.

– Ты успела.

Я протянул руку и накрыл ладонью тонкие пальчики девушки. Чувствовал я себя так, словно вырвался из молотилки – каждая мышца отзывалась на движение надсадной болью. К тому же левый глаз заплыл тонкой щелкой и еле видел, а нижняя челюсть ворочалась при разговоре со скрипом. Но это было не так уж и важно. Главное состояло в том, что Цзян нашла меня. А я нашел ее. Конечно, я не помнил прошлой своей жизни, но мне казалось, что там, в моем мире, я не видел эту чудесную девчушку в течение долгого времени и безумно соскучился по ней.

– Цзян, ты скучала по мне?

– Да. Очень.

– Я тоже. Мне так кажется... Давно ты обитаешь в Кларвельте?

– На двадцать дней дольше тебя.

– Ты неплохо освоилась здесь.

– Ты освоишься не хуже, – уверенно сказала Цзян. – Это не так уж и трудно. Просто тебе не повезло с самого начала. Когда ты провалился в Кларвельт, то появился в одном из маленьких городков. Прямо на площади. Ужасно! Тебя сразу схватили святоши. Ты ничего не соображал, само собой. Сразу было видно, что ты демоник.

– А ты?

– Я появилась на ферме. И даже более того – на одной из Дальних ферм. Трюф увидел меня первым, и спрятал меня. Не давал мне выйти из сарая, пока ко мне не вернулась память. Удивительно, как сарай выдержал... – Цзян смущенно улыбнулась, посмотрела на свои руки со следами заживших ссадин. – Я чуть не разнесла этот хлев. Решила, что меня откармливают, чтобы съесть. Знаешь, как он меня кормил...

– Вот так-то, – отозвался Трюфель. – Вот она, неблагодарность-то, значиться. Я ее самым лучшим потчевал, даже барана зарезал, чтоб отказа ни в чем не знала. Вино, сыр, фрукты и всякое такое – как благородину какую. А она там бушевала в сарае, прямо по стенам бегала. Я ей говорю: "Да не бесись ты, демоничка дурная, людей привлечешь! Тебе пересидеть свой срок надо!" А она знай себе колотит в стены да орет блажь всякую. Страсть, что было. Думал, загребут ее святоши...

– Знаешь, сколько платит инквизиция за выдачу демоника? – сказала Цзян. – Пятьдесят флоренов. Для крестьянина это целое состояние.

– И чего же ты, Трюфель? – поинтересовался я. – Почему ты не продал ее? Знаешь, сколько своих тырков ты бы купил на эти деньги? Целую телегу...

– Не в тырках счастье, – философски заметил здоровяк. – Да я... Я и за сто флоренов ее бы не отдал! – выпалил он, заметно раздуваясь от гордости.

– А за двести?

– Не-а! Подумаешь, двести!

– А за тыщу?

– За тыщу?! – Лапа крестьянина озадаченно полезла в соломенную макушку и застряла в путанице волос. – За тыщу... Тыщу флоренов. Это ж сколько тырков получается... Двадцать телег... Или две телеги шкамра, самого свежего... Нет. Не пойдет...

– Что не пойдет? – ехидно встрял я. – Мало тебе?

– Да я же сказал тебе, демоник ты чертов! Не отдал бы я ее! – рывкнул Трюфель. – Ни за какие деньги!

– А меня отдал бы?

– И тебя бы не отдал!

– А меня-то почему?

– А потому что я этих самых енквизиторов терпеть не могу. Они весь наш мир изгадили. И город испоганили до такой невозможности, что и войти туда противно. И Госпожу нашу они отравили – самое святое, что у нас есть. Превратили Светлый Мир в помойную яму! А поэтому делаю я все не так, как велят святоши, а в точности наоборот. И все наши, Дальние, так делают! И будут делать! Подумаешь, енквизиторы! Жрать-то им всем надо! А ежели стражники к нам полезут, так мы своим дрекольем так отчешем, что мало не покажется...

– Крамольные мысли, однако... – покачал я головой. – Не боишься, Трюфель, что госпожа тебя услышит? И накажет! Накажет оцепенением, и болезнями, и чем-то там еще, чем положено по Книге Дум?

– Не боюсь, – произнес Трюфель, но вместо бодрости некоторая грусть появилась в его голосе. – Жаль конечно, что так происходит, но поплохела наша Госпожа. В последние годы совсем поплохела. Не достает она до нас, Дальних, своими мыслями. И, значиться, стали мы как бы сами по себе. Пустовато как-то было поначалу, да потом привыкли, даже понравилось. Да и что там говорить, лучше уж так – вовсе без Госпожи в уме, чем с такой дрянью, как нынче в городе...

– Есть такие земли, которые называются Дальними, – шепнула мне Цзян. – Сейчас мы едем туда. Там все устроено по-своему, необычно. Это странные места – сам увидишь.

– И долго туда ехать?

– По местным понятиям – долго. Полдня.

Ничего себе – долго. Полдня на телеге, которая еле плетется. Судя по всему, Светлый Мир был весьма небольшим территориальным образованием.

– Тогда я буду спать, – объявил я.

И заснул.

ГЛАВА 4

Спал я достаточно долго. Во всяком случае, когда я проснулся, солнце уже проделало половину пути от верхушки небесного купола к горизонту. Я повернулся и увидел две спины – Цзян и Трюфеля. Они о чем-то негромко беседовали. Телега все так же погромыхивала и подпрыгивала на колдобинах неровной дороги. Но вот то, что окружало на со всех сторон, совсем не было похоже на пейзаж, который я видел утром.

Для всего этого уже мало подходило название Светлый Мир. Скорее, это можно было бы назвать Станным Миром. Во всем присутствовало нечто неустойчивое, нереальное, вызывающее тревогу. Облака в потемневшем небе напоминали формами хищных тварей, они перемещались с разной скоростью, разевали гигантские пасти и поглощали друг друга. Справа от дороги высился старый и мрачный лес, и те звуки, что доносились оттуда, мало напоминали пение птиц. Зловещий посвист и голодное цвирканье временами переходили в вопли – отдаленные, но исполненные такой боли и отчаяния, что кожа покрывалась мурашками. Слева находились поля, нарезанные на правильные, относительно небольшие прямоугольники. На них росло что-то фиолетовое и голубое, перемежающееся широкими зелеными пространствами. Сперва мне показалось, что все пространство засеяно цветами – фиалками, васильками или чем-то подобным. Но, пока я всматривался в одно из полей, стараясь определить, что же там все-таки растет, оно проявило неожиданную прыть. Оно начало переползать на другое место. Ровные границы поля пришли в движение – невероятное, но совершенно явное. Фиолетовый прямоугольник шустро прополз сотню шагов и остановился. Кзади от него осталась широкая пожелтевшая полоса.

– Эй! – Я приподнялся на локте. – Цзян, Трюф, вы видели? Поле ползло!

– Ага. – Трюфель оглянулся на меня, моргнул светлыми глазками и повернулся обратно.

– Что – ага?!

– Ползло, – равнодушно констатировал Трюфель.

– Это, что, нормально, по твоему?!

– Ага.

– Значит, оно ползло, – произнес я зловещим голосом, испытывая желание вскочить и треснуть невозмутимого крестьянина по макушке. – И для чего же оно это делало?

– Оно пасется.

– То есть как пасется? – опешил я? – Там что, не растения, а животные какие-нибудь?

– Там аррастра.

– Это животные такие?

– Это аррастра. Ну такие, с листиками и цветочками...

– Растения, значит?

– Ну да.

– А чего же они тогда ползают?! – завопил я.

– Пасутся.

Я в изнеможении свалился обратно в сено.

– Останови, – сказал я.

– Зачем? На аррастровое поле захотел сходить? Это сейчас нельзя – аррастру трогать.

Она еще незрелая. Может наброситься.

– Иди ты к черту со своей аррастрой. Мне отлить надо. Останови.

– А! – произнес Трюфель с неожиданным облегчением. – Так бы сразу и сказал. А то я думал, ты поползать решил. Бывают у нас такие чудачки – в аррастре поздней весной ползать. Говорят, удовольствие необнакновенное – как будто живым на небо попал. Тут конечно, знать надо, как это делать. Не прозевать, когда поле переползать начнет. У нас вот Густав в про-

шлом годе так напозался, что и заснул прямо на поле. Ну, оно по нему и прошлось. Смотреть страшно было – шкуру живьем сорвало. Сам виноват. По мне, так дурь все это – по аррастрре ползать...

– Слушай, если ты сейчас не остановишь, я тебе все сено обмочу, – сказал я.

– А, да. Прощения просим. Только быстро давай – место тут гиблое, надолго останавливаться нежелательно.

Он натянул вожжи и кобыла остановилась. Я резво соскочил с телеги, и прихрамывая на отлежанной ноге, помчался в лес. Собираясь спрятаться за ближайшим деревом, дабы беспрепятственно совершить естественный процесс. Я переступил границу леса и начал спешно развязывать проклятые веревочки на штанах, путаясь в них пальцами. Я стремился обогнать свой мочевого пузырь, и поэтому совершенно не обращал внимания на то, что происходило вокруг. А между тем лес явно заметил мое присутствие. Он затих. Прекратились лихие посвисты, и только шум ломающихся ветвей в отдалении напоминал о том, что лес жив и обитаем.

– Назад, дурак! – бешено завопил Трюфель. – Быстро назад!

Я еще не успел сообразить, что происходит, а он уже мчался ко мне, проявляя неожиданную для такого увальня прыть и размахивая топором с длинной рукояткой. В то же мгновение оглушительный свист раздался у самого моего уха. Я повернулся и увидел тварь, сидящую на дереве.

Она почти сливалась с темной растрескавшейся корой, и только голова ее, размером с собаку, выделялась ярко, потому что светилась, излучая зеленоватое сияние. У твари было четыре челюсти, и когда она беззвучно разевала их, видно было, что все они усажены длинными зубами в несколько рядов. Длинный раздвоенный язык не был похож на змеиный – скорее он напоминал черную вилку с двумя острыми зубцами и жестко двигался вперед и назад в глубине пасти. Остальное я рассмотреть не успел.

Я дернулся назад, собираясь немедленно сбежать, но хищная тварь снова издала свой свист и ноги мои замерли. Они не слушались меня, мои прежде безотказные ноги. Это было ужасно. Я понял, что сейчас меня будут есть.

Все это длилось не дольше, чем один мучительный вдох, но время растянулось для меня, как это всегда было в моменты смертельной опасности. Я увидел, как широко раскрылись все четыре челюсти, образовав подобие огромного четырехлепесткового цветка и жало-язык высунилось вперед как смертельно опасный пестик. Все это сооружение начало вращаться, слилось в единый круг, превратилось в приспособление для пробурывания всего, что попадется на пути. Четыре длинные мускулистые конечности вздулись буграми мышц, напряглись, резко оттолкнулись от ствола дерева. Существо выстрелило собой в мою сторону, прошло воздух как снаряд, направляясь точно в мою голову. Если бы оно достигло моей бедной башки – симпатичной, но глуповатой, оную башку срезало бы начисто. Но я все же успел нагнуться, насколько это позволяла мне сделать моя верхняя, неонемевшая половина туловища. От резкого движения я потерял равновесие и свалился вперед. Проклятая тварь пролетела прямо надо мной, едва не задев, и врезалась в землю. В то же мгновение маленькие сильные руки вцепились в мои лодыжки и потянули прочь из леса. Физиономия моя чиркнула по земле, к счастью, покрытой мхом, но несколько камней все же отметили этот путь чувствительными царапинами. Цзян выволокла меня на дорогу и теперь я мог видеть, как Трюфель добывает топором ту гадину, которая собиралась мной пообедать. Ошметки черной шкуры летели во все стороны.

– Трюф, назад! – взвыла Цзян. Увлеченный процессом разделки туши Трюфель скакнул на дорогу как кузнечик, и кажется, вовремя. Еще три хищника со светящимися головами возникли словно ниоткуда на деревьях и тут же совершили одновременные прыжки. Поскольку Трюфель вовремя исчез из опасной зоны, все три живых бурава столкнулись в воздухе. Сперва трудно было понять, что происходит в этом свистящем и барахтающемся черном клубке, но

скоро выяснилось, что уцелела только одна из тварей – остальных разметало в клочья. Тварь-победительница теперь пожирала то, что осталось от ее незадачливых коллег.

– Господи... – Я с ужасом осознал, что остался жив лишь чудом. – Что это за уроды такие? Кошмар... Это что, демоны?

– Это мясоверты. – Парень вытирал топор о траву. – Они вроде бы как не демоны, а животные такие. Дрянные животные, конечно. Тут все стало дрянным в этом лесу, после того как он испортился.

– Испортился?

– Ну да. Порченым стал. Я ведь, бывал, еще ребятенком в этот лес по грибы-ягоды ходил. И дрова крестьяне рубили без боязни всякой, и на оленей охотились в восьмой месяц, как по законам и положено, а на птиц силки ставили так вообще круглый год. Хорошим местом были наши леса, самой Госпожой созданные для подспорья человеку и отдохновения его. А потом, два года назад, случился вдруг Черный День, а опосля него все пошло наперекосяк. И до Черного-то Дня жизнь становилась с каждым днем хуже. Ежели, к примеру, раньше Госпожа нам всегда говорила, когда вовремя пшеницу сажать, а когда сено косить, предупреждала, когда дождь сильный зарядит или град пойдет, то в последние годы перед Черным Днем стала все больше невпопад угадывать. К примеру, предупредит нас солнышко, а вместо того вдруг снег пойдет да все всходы поморозит. До того дело дошло, что многие Госпожу-то и слушать перестали. Слух появился, что Госпожа наша того... Умом малость повредила и сама не знает, чего говорит. И ведь знаешь что: тот, кто Госпожу слушать перестал и своим умом жить начал, вроде бы как и из неурожая выбрался. То есть потихоньку так оно и произошло – жрать-то надобно... Вот и все мы, Дальние крестьяне, стали жить вроде бы как самостоятельно. Конечно, вальдесовы подручники тут слонялись, вынюхивали, не развелось ли среди нас какой-нито ереси. Да только что с нас, олухов деревенских взять? Какая у нас ересь, ежели мы и читать-то не умеем? Обложили нас новым налогом да отстали.

Короче говоря, жизнь вроде бы по-новому налаживаться начала, да возьми и случись этот самый Черный День. Потемнело все сверху, как сейчас помню, – Трюфель ткнул пальцем в небо, – снег посреди лета повалил, – да такой буран, хуже чем зимой. Зверье всякое из лесу побежало на поля, повытоптали все посева. Птицы замертво начали с неба падать. А люди словно с ума посходили – кто в бешенство впал и начал на всех с кулаками бросаться, кто память потерял, в поле поплелся, да так там и замерз. Ну да что там говорить, – парень помрачнел лицом, – тот был еще денечек, думали, не переживем его.

– С ума, значит, все посходили?

– Ага. Мы ж привыкли все время слушать Госпожу. Как неприятность какая случилась – позови Госпожу, и она добрый совет даст. А тут вдруг все люди, как один, слышать голос Госпожи перестали. Не могу рассказать, до чего неприятно это для нас было. Все равно как половину своего разума потерять. Кое-кто говорит у нас, что в этот день Госпожа Дум померла, потому как мы, Дальние, с того дня ее вовсе слышать перестали. Только я думаю, что все это сушая ерунда. Ведь горожане-то ее слышат, да и Ближние крестьяне слышат, только тихо, а значиться, жива она. По моему разумению, в этот день случилось какое-то большое колдовство. Большое и жутко недоброе.

– Ну а дальше что?

– Ну что дальше? – Трюфель развел руками. – Все ж-таки пережили мы это гиблое лето. Неурожай, конечно, большой вышел, народу много перемерло, а нового не народилось взамен умершего, как то всегда бывало. Но пережили. И к порядкам новым начали привыкать – вернее, к беспорядкам. Раньше ведь как было – из года в год одно и то же. Сколько человек в деревне померло, столько же и родилось. Сколько оленей в лесу добыли, столько же и снова появится. Пшеница завсегда к Житной неделе поспевала, а ячмень – к Заячьему дню. Дрова заготавливали в лесу в восьмой месяц, и в это время зверье на людей никогда не кидалось.

Из века в век так было, и сомневаться в этом в голову никому не приходило. Потому что так было заведено Госпожой и записано в Книге Дум. А тут вдруг все пошло поперек обычая. Погода словно взбесилась, рыба в речке стала горькой на вкус, пшеница стала ветвиться на манер кустов – ажно молотить страшно. Лес испортился – не сразу, конечно, только с каждым разом стало все опаснее соваться туда – такие нечисти стали появляться, что этот мясоверт по сравнению с ними мухой покажется. – Трюф погрозил опасно притихшему лесу кулаком. – И аррастра эта тогда же появилась. Сперва она просто новым сорняком была в хлебах – наподобие цикория. А потом, глядишь, в поля собралась, тогда мы и углядели, что цветочки эти ползать могут. Тут-то мы ее аррастрой и прозвали, "ползучкой", значиться. Ну, боролись мы с ней кто как мог. Выпалывали с корнями. Скоту пробовали давать – так он от этой травки как чумной становился. Начали мы тогда аррастру в кучи сваливать да жечь. Так что ты думаешь – так нам это занятие понравилось, что вся деревня работу забросила, и только жгла аррастру. Потому как если в арастровом дыму постоять, настроение такое хорошее становилось, что лучше не бывает. Кажется тогда, что все вокруг добро-волшебное, и легкость в теле необнаковенная появляется, и бабенки все вдруг такие хорошенькие становятся, что хочется немедленно поиметь всех сразу. Что мы и делали... – Трюфель порозовел и смущенно кашлянул в кулак. – Ну в общем, две недели все Дальние крестьяне ничего не делали, окромя как жгли эти цветочки и занимались блудом прямо у друг друга на виду. – Трюфель покраснел окончательно. – А потом появился цельный отряд стражников, ввалил всем селянам по десять плетёв и объяснил, что нюхать аррастру – смертный грех и наказываться будет вырыванием ноздрей и выкалыванием правого глаза. А вся аррастра принадлежит лично Госпоже Дум. Окромя того, предписано нам было выращивать эту мерзость на особых полях, и на каждую деревню была наложена аррастровая подать, причем немалая. Хошь-не хошь, пришлось нам высаживать этот вредный сорняк на своем ячмене, чтобы он на нем пасся. Да надо еще собирать аррастру осенью, сушить ее, сдавать ее стражникам, да следить при этом, чтобы не нанюхался ее кто по глупости, потому как наказать за это могут всю деревню...

– Трюф, – Цзян тронула не в меру разговорившегося парня за руку. – Пойдем отсюда, а? Не нравится мне этот лес. Сейчас выскочит оттуда кто-нибудь похуже мясоверта...

– Чево? Лес?.. – Крестьянин мотнул головой, приводя в движение свои неповоротливые мысли. – А, лес! Не, сейчас ничево не будет. Днем все нечисти через границу леса переползти не могут. Ты не бойся. Вот ночью – тогда оно конечно. Тогда здесь лучше не появляться.

Я вглядывался в мрачную живую чащобу и мне казалось, что я вижу, как быстрые темные тени передвигаются там, прыгают с дерева на дерево, проносятся в кустах, раздвигая их с едва заметным шелестом. Лес ждал, когда какой-нибудь неосторожный олух, вроде меня, войдет в него и предоставит свое тело на растерзание голодным зубастым тварям.

Черта с два!

Я отвернулся от Цзян и Трюфеля и помочился на дорогу. Удобрять лес мне больше не хотелось. Не был он достоин этого.

– Поехали, – сказал я, завязывая веревочки на штанах. – Солнце уже садится. Что-то не хочется мне ночевать на дороге.

* * *

Мы с Цзян жили на ферме Трюфеля уже два дня. Нас держали взаперти, как некогда Цзян. Конечно, теперь хозяева не боялись, что мы сбежим. Однако днем высовываться из сарая было опасно. Как утверждали приютившие нас Трюфель и его папаша Мартин по кличке Лысый Хомяк, святоши так и шныряли вокруг. А ночью я и сам не решился бы шляться по Дальней деревне. Вечно голодные твари, мерзкие и непонятные, выходили по ночам из леса и шастали по окрестностям. Только за последний год они умудрились разорвать чытырех неза-

дачливых сельчан, по пьянке вышедших облегчиться на улицу посреди ночи. Я не хотел пополнять собой траурный список.

– Вот, значиться, приходили сегодня три доменуканца, святоши енквизиционные, значится! – Мартин Лысый Хомяк стоял в центре нашего сарая, расставив ноги, уперев руки в бока, и рассказывал последние деревенские события. Он был очень доволен своей сообразительностью, этот пожилой крестьянин. – Говорят, именем закона, отвечайте, смерды, не скрывается ли в оной деревне или других известных вам местах беглый демоник по кличке Шустряк, особливые приметы: высокий, не толстый, глаза зеленые, на спине следы от плетёв и драться умеет здорово. На что я и отвечаю со всей честностию: нет мол, господа енквизиторы (жабоглав вам в глотку), подобного отродья не видавали, а ежели бы и появился в наших краях истый демоник, так давно бы отдален он был в ваши справедливые руки, как то и положено по закону, ибо народ у нас, как вы знаете (дурни вы расфуфыренные), законопослушный и к порядку приученный. Ничего такого мы не видавали, говорю. А эти самые святоши, значиться, глазами меня так и сверлют, чуть ли не в душу пытаются залезть. Только это без толку. Раньше ведь как было? Человек и соврать-то не мог, потому как только неправду он говорить начинал, Госпожа Дум все это слышала, и знак святошам подавала, что врет, мол, человек. А теперь что? Госпожа до Дальних силою своею не достает, и, значиться, енквизиторам только на себя рассчитывать приходится. А своими башками они работать не привыкли...

Лысый Хомяк разливался соловьем. Любил он поболтать, да и похвастаться любил, что там скрывать. Был он изрядно похож на сына своего, Трюфеля, только старее лет на сорок (Трюф был младшим из трех его сыновей), и, соответственно, толще в два раза, красномордее раза в три и морщинистее – не могу даже сказать во сколько раз. Вероятно, шевелюра его тоже некогда представляла собой сорочье гнездо, но годы выщипали огромную загорелую плешь посреди волосяного раздолья, так что теперь голова Мартина имела форму гигантской груши с лысой макушкой и закругленным широким основанием, образованным толстыми щеками и сглаженным подбородком. Внешность Лысого Хомяка оправдывала его прозвище.

– Слушай, Мартин, а как же Вальдес? – перебила Хомяка Цзян. – Я знаю, что он регулярно отлавливает демоников и сжигает их на Площади Правосудия. Может быть, у Вальдеса есть какой-то способ чутя демоников? Вынюхивать их на расстоянии?

– Что-то не так с этим Вальдесом, – заявил Хомяк, помрачнев при упоминании имени великого инквизитора. – Демоников-то он ловит частенько, кто бы с этим спорил. И волшебник он тоже взаправдашний, это ежу понятно. Да вот только все равно что-то с этими демониками не так. Слишком уж их много стало. И вот что меня, сталбыть, удивляет: не похожи они на злодеев, чтобы там Вальдес и его прислужники не говорили. Эти самые демоники больше похожи на обычных людей, которые неведомо как очутились в незнакомом месте и никак понять не могут, что с ними такое приключилось и что им теперь делать. Оно, конечно, сразу видно, что они откуда-то из другого мира к нам попали, потому как повадки у них странные донельзя. Только не похожи они на злобных тварей. Я думаю, здесь таится какой-то обман. Вот у нас в деревне Эрих живет, он мужик умный, читать даже умеет. Он вот что придумал: наверное, говорит, где-нибудь дырка между вельтами образовалась. Люди из других вельтов через нее к нам и проваливаются – нечаянно. А здесь уж становятся демониками...

– Папаня! – кулак Трюфеля забарабанил в дверь снаружи. – Выходи скоренько! Там еще два стражника пришли, тебя требуют.

– Тьфу ты! – Хомяк сплюнул на пол. – Да когда ж они угомонятся-то? Взаправду, что ли, чего чуют? Лезьте снова в подпол. И не высовывайтесь, пока не скажу.

И ушел, задвинув дверь снаружи на щеколду и навесив на нее здоровенный замок.

Пока нам везло – сарай этот не обыскивали. Но если бы стражники и пришли сюда, они не увидели бы ничего, кроме ворохов старой соломы на полу. Прятались мы надежно.

* * *

Там, за стенами сарая, вечерело. Я мог увидеть это, приложив глаз к щели в стене. Солнце спряталось за кронами садовых деревьев, но еще не сползло окончательно за горизонт, бросало спокойные предсумеречные блики сквозь колышущуюся листву и раскрашивало небо в оранжевый цвет. Я стоял и рассматривал закат Светлого Мира одним глазом. Мне отчаянно хотелось на свободу.

Два дня прошло, а память ко мне так и не вернулась. Я уже начинал беспокоиться по этому поводу. Не то что бы я чувствовал себя ущербным, не имея доступа к собственному прошлому, но мне хотелось верить в то, что там, в своем мире, я был таким же умным, как Цзян. Эта девушка вызывала у меня все большее восхищение. Я надеялся, что там, в прошлом, я был умнее чем здесь. Потому что по сравнению с этой девчушкой я казался себе неотесанным мужланом, а порою – полным дураком.

Но самое главное состояло в том, что, кажется, я влюбился в эту девчонку. Не то чтобы втрескался в нее по самые ушки, но обнаружил, что не могу смотреть на нее спокойно. Была она такая ладненькая, тоненькая, миленькая. Она так красиво двигалась, когда выполняла свою гимнастику. А от ее нежного, мелодичного голоса я просто балдел. Правда, она мало разговаривала со мной. Я, конечно, приставал к ней с вопросами, постоянно надоедал ей – Расскажи, мол, что-нибудь про наш мир. Но она отнекивалась.

– Цзян, ну почему ты такая свинка? – Я снова завел свою песенку. – Почему ты ничего не говоришь мне? Я хочу знать, что это за мир, из которого мы пришли?

– Ты вспомнишь все сам. Это должно быть именно так. Сам.

– Ну почему я должен все делать сам?

– Чтобы снова стать самим собой.

– А это хорошо – стать самим собой? – поинтересовался я. – Каким человеком я был? Может быть, я был таким мерзким, что лучше мне и не возвращаться в прежнее состояние? Каким я на был самом деле?

– Ты был просто ужасным. Но для меня ты был самым лучшим. И всегда будешь для меня лучшим. Во всех мирах, которые существуют и будут существовать.

Вот так-то, ничего себе признание. Я стоял и смотрел на Цзян, глупо открыв рот. А она приподнялась на цыпочки, обвила мою немытую шею руками и нежно поцеловала меня. Пожалуй, этот поцелуй нельзя было назвать просто дружеским – все вспыхнуло внутри меня и встрепенулось снаружи – там, где и должно было встрепенуться. Но я не успел ответить так, как хотел. Она отстранилась, провела ладонью по губам, упрямо покачала головой. Слегка помрачнела даже. Наверное, не все в наших прежних отношениях было безоблачно.

– Ты... Ты любила меня там?..

– Да. Я и сейчас тебя люблю. – Она смотрела в пол и выводила тапочкой узоры в пыли.

– Мы... – Я пытался найти слова, звучащие не слишком грубо. – Цзян, мы занимались с тобой любовью?

– Да.

– Да?! – радостное изумление прозвучало в моем голосе.

– Только один раз. Ты всегда избегал этого. Ты не хотел трогать меня, потому что я была еще девочкой. Но один раз это случилось – и это был первый раз в моей жизни. – Она подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза. Язычок ее облизал губы, пересохшие от волнения. – Наверное, это было лучшее, что было в моей жизни. А потом мы расстались. Я думала, что навсегда.

– Цзян, милая... – Я схватил ее за руку, заговорил торопливо, боясь опоздать, упустить волшебный миг, когда души наши уже соприкоснулись, а тела еще не дотянулись друг до друга. – Как это чудесно, что мы снова встретились! Теперь никто не мешает нам...

– Нет. – Она вырвала свою ладошку из моих пальцев. – Нет.

– Почему?! – Наверное, мне нужно было произнести это слово вкрадчиво, нежно, заботливо, как и положено в начале тех уговоров, что заканчиваются постелью. Но я взвыл от боли, как человек, которого угостили хорошим пинком между ног. – Почему, Цзян?! Что ты такое говоришь?! Ты же хочешь меня, я знаю это! Только не ври, не говори "нет"!

– Я хочу тебя. Хочу. – Она снова уставилась в пол. – Я всегда хочу только тебя. Когда я ложусь спать, я представляю, что мы лежим с тобой... и ты целуешь меня... везде... и я глажу себя пальцами там... ну, ты знаешь где... И мне кажется, что ты меня... что мы любим друг друга, и тогда мне становится совсем хорошо. И я засыпаю, обняв вместо тебя подушку. Вчера ночью я тоже делала это, когда ты заснул. Каждую ночь так. Да. Каждую ночь...

"Каждую ночь", – шептала она, и глаза ее наполнялись слезами. А я... Что же я? Я слышал от милой девочки такие интимные подробности, что впору было самому кончить немедленно. И при этом совершенно не представлял, что я могу сказать ей сейчас.

– Цзян... – Я шлепнулся на колени, обхватил ее, уткнулся лицом в ее живот. – Ты пришла, чтобы спасти меня. Спасибо тебе, Цзян. Я люблю тебя...

Я шептал горячо и искренне. Я любил ее всегда, всю жизнь. Я готов был простить ей даже то, что она не хотела спать со мной сейчас. Потому что она была, существовала, и самим существованием своим в этом месте вносила в мою жизнь смысл. Теперь я знал, для чего живу.

– Там, в нашем мире, ты не любил меня, – произнесла она резко, даже зло. – Это я любила тебя. Я бегала за тобой как собачка, а ты удирал от меня и прятался от меня в постелях длинноногих грудастых девок, счастливых тем, что ты их осеменяешь. Ты оправдывался тем, что любишь какую-то девушку, имени которой не знаешь. Ты искал ее. Искал во всех постелях нашего городка!

Ее неожиданные слова падали на меня, как капли ледяного дождя, и кожа моя покрывалась мурашками.

– Прости, Цзян, – растерянно пробормотал я. – Мне даже нечего сказать в оправдание, потому что ни черта не помню...

– Именно так все и было. Я злилась, психовала, потому что считала все это лживой отговоркой. Но хуже всего то, что все это оказалось правдой. Однажды ты нашел ее – свою девушку. И места для меня в твоей жизни не осталось совсем. Я ушла, чтобы не мешать вам. Уехала очень далеко, чтобы попытаться забыть тебя. И не смогла забыть.

Я готов был выть от тоски. Я совершенно не помнил эту самую ТУ ДЕВУШКУ и не хотел ее вспоминать. Я сжимал руками горячее тело Цзян, чувствовал под тонкой тканью ее нежную кожу. Я вдыхал ее запах. Я был возбужден так, что терял разум. И вместо того, чтобы делать то, что хотел, что *должен был* делать, я терял время и искал слова, и произносил их, надеясь, что они могут помочь хоть в какой-то степени. Она была здесь – *моя* Цзян. Любовь к ней раздирала мою душу, царапала душу изнутри острыми когтями, требуя выхода.

– Но ты же сказала, что мы все-таки сделали это... Что я был твоим первым...

– Мы выполнили с тобой ритуал. Просто ритуал. Так получилось, что я должна была принести в жертву свою девственность. И исполнить эту процедуру должен был именно ты. Так сложились обстоятельства... Ты сделал это при всех. Все отвернулись, они не смотрели на нас. Но твоя девушка... Она смотрела. Я видела это. Она смотрела на нас и плакала.

– Прости, Цзян...

– Ты не виноват. Так было предначертано судьбой. Мы сделали тогда все правильно. Если бы не мы, погибли бы все. – Цзян провела рукой по моим волосам. – Тогда ты был нежен со

мной. Мне даже не было больно. Мне даже показалось тогда, что ты любишь меня – хотя бы в эти минуты. Спасибо тебе, Шуст... Шустряк.

Она споткнулась о мою кличку как о камень, лежащий на дороге в неожиданном месте.

– Я люблю тебя, Цзян, – тихо произнес я. – Я не хочу ничего знать о том, что было в нашем мире. Все это осталось за пределами Светлого Мира – и та моя девушка, и моя прошлая жизнь. Ты пришла сюда, чтобы найти меня. Ты спасла меня. И теперь мы начнем все сначала. Мы обретем себя истинных. И любовь станет нашей истиной...

– Ты не знаешь самого главного. – Она прикоснулась к моей голове, провела рукой по волосам, и я почувствовал, как дрожат ее пальцы. – Ты пришел в этот мир не нечаянно. И я тоже. И еще несколько людей, которые прорвали врата миров и пришли сюда вместе с нами. Все мы пришли сюда с одной единственной целью – спасти девушку.

– К-какую де-девушку? – Я начал заикаться от волнения, я почувствовал, что лечу в пропасть и ничего не могу с этим поделать. Не за что мне было зацепиться.

– Ту самую девушку. *Твою девушку*. Лурдес.

Лурдес... Лурдес. Я напряг все свои извилины, но так и не мог вспомнить, кому принадлежит это имя. Ага, Лурдес, значит. Моя девушка по имени Лурдес. Значит, весь этот сыр-бор из-за нее. А я даже не могу ее вспомнить.

– Я не помню ее, Цзян, – честно сказал я.

– Ты вспомнишь ее, Ш... Шустряк. – Она снова запнулась, выговаривая мою кличку. – Ты вспомнишь ее, Шустряк, и все встанет на свои места. Ты вспомнишь, что любишь ее, а не меня.

– Почему ты называешь меня Шустряком? – воскликнул я с негодованием, дурацкое прозвище все больше раздражало меня. – Ты же знаешь мое настоящее имя! Знаешь?!

– Знаю.

– Как меня зовут?

– Не скажу.

– Я хочу знать свое имя! – Я вскочил на ноги, схватил девушку за плечи и встряхнул так, что голова ее мотнулась. – Я имею право знать его!

– Ты сам должен вспомнить его. Вспомнить свое имя и все остальное, что было в твоей жизни. Если я произнесу твое имя сейчас, оно останется для тебя ничего не значащим словом. Ты сам вспомнишь все.

– Когда?! – я сжал пальцы так, что она сморщилась от боли.

– Не знаю! Отпусти меня, синяков наставишь! – Она высвободилась, пошла в угол сарая, потирая плечо. – Я буду спать. – Она улеглась на свой тюфяк, набитый сеном, повернулась лицом к стене, обняла обеими руками подушку как лучшего, безотказного друга, и затихла. Только ноги ее двигались едва заметно.

Интересно, она снова представляла себе, что обнимает меня? Почему-то я почти не сомневался в этом. Дико было все это – девчонка лежит на полу, и стискивает свою подушку, набитую сеном, и трет ногами друг о дружку, и мучается оттого, что в сарае слишком светло, и она не может погладить себя рукой так, как она привыкла это делать. А я живой, настоящий я, стою в пяти шагах от нее и дымлюсь от возбуждения. Смотрю на то, как она заменяет меня настоящего мной воображаемым, знаю, что все это неправильно, и ничего не могу с этим сделать. Просто ничего.

– Не смотри. – Цзян, не оборачиваясь, нашарила за спиной покрывало, натянула его на себя. – Не подглядывай, погаси свет. Я стесняюсь.

– Ты не можешь заснуть просто так? Без меня – того, которого ты сама себе придумываешь?

– Иногда могу. Но сейчас – нет. Погаси лампу, пожалуйста...

– Понятно.

Я взял свой тюфяк и положил ее рядом с постелью девушки, аккуратно пристроил рядом подушку, дунул на фитиль и лампа погасла. Я стянул через голову рубашку, развязал тесемку штанов и снял их.

Я лег на бок рядом с Цзян и потянул на себя покрывало.

– Это мое одеяло! – сердито фыркнула она и попыталась завернуться в ткань, как гусеница в кокон.

– Ты жадина, Цзян! – сказал я ей на ухо. – Гадкая жадина! Ты же знаешь – покрывало есть только у тебя. И я всегда уступал его тебе – потому что ты девушка. Но теперь я снял с себя всю одежду, я голый. И без одеяла я замерзну. Я замерзну и простужусь. И буду долго болеть – кашлять. Чихать... Может быть, я даже умру. Прямо сейчас...

– Оденсья...

– Ни за что. Не оденусь даже за сто связок тырков.

– Ты дурак...

– А ты – гадкая жадина.

– Ты правда голый? Ты врешь, да? – Голос ее пресекся взволнованной хрипотцой.

– Абсолютно голый. Голее не бывает. Можешь проверить.

– Врун. – Ручка Цзян выскользнула из-под одеяла и заскользила по моему бедру. Она по-прежнему лежала ко мне спиной, но попка ее сделала произвольное движение и прижалась к моему паху, слегка придавив то, что и так уже едва не лопалось.

– Зачем ты это делаешь?! – Пальцы девушки остановились на моей ягодице, замерли там в нерешительности, но пока не торопились уходить. – Зачем? Ты же знаешь, что я все равно тебе не разрешу.

– Ты думаешь, что я – это он? – Я не только шептал в ее нежное ушко, я облизывал ее ухо и чувствовал, как она вздрагивает от этого всем телом. – Ты думаешь, что я – Шустряк? Этот глупый верзила с зелеными глазами? Нет, солнышко. Я – это я. Я прихожу к тебе каждую ночь. Каждую ночь я прижимаюсь к тебе, едва ты закроешь свои милые, любимые мной глазки. Я всегда живу в твоей постели. Я прячусь в твоей подушке, обнимаю тебя вместе с твоим одеялом. Я вползаю в твои пальчики, когда ты ласкаешь себя. Это делаешь не ты. Это делаю я...

Цзян всхлипнула и убрала с меня руку. Но одновременно с этим взбрыкнула всем телом так, что одеяло вспорхнуло вверх и снова опустилось. Опустилось на нас обоих.

Я обнял ее сзади. Провел пальцами по ее тонким предплечьям. Добрался до запястий. Дальше ее кисти прятались в штанах, были зажаты между бедрами, совершавшими непрерывные движения.

– Глупенькая... Почему ты делаешь это в одежде? Штаны нужно снять.

– Я... Я всегда снимаю их... Но сейчас...

Она задышалась.

– Дай-ка я помогу тебе.

– Не надо... Не мешай...

Я встал на колени, наклонился над ней, одной рукой приподнял ее за талию, а другой быстро спустил ее штаны до колен. Она получила свое удовольствие в тот же момент. Выкрикнула "Ой! Ой!" – этикие два словечка, одинаково звучащие на всех языках всех миров. Ягодицы ее, слабо белеющие во мраке, сжались, тело ее выгнулось вперед, а потом назад, а потом снова вперед, да так и застыло.

– Какая ты быстрая девчонка, – с завистью заметил я, окончательно стягивая с нее штаны. – Только начала, и уже кончила...

– Обычно не так. – Она вдруг повернулась на спину и открыла глаза. – Это из-за тебя так быстро. Потому что ты пришел.

– Всегда к вашим услугам, госпожа. – Я приложил руку к сердцу и склонил голову. – Готов приходить к вам каждую ночь...

Рука ее заскользила по моей коже и вдруг удивленно наткнулась на некую анатомическую особенность, устремленную вверх.

– А ты... Так ты что, еще не всё?

– С чего бы это всё? – горько произнес я. – Я еще практически ничего. Когда вы начали кончать, сударыня, я еще даже не кончил начинать.

Она поднялась на колени, стащила с себя рубашку и прижалась ко мне, обхватила руками. "О боже! – пронеслось в моей перевозбужденной голове. – Я добился своего!" А она, маленькая негодяйка, провела губами по моей щеке, уткнулась в ухо и шепнула:

– Все равно я тебе не разрешу.

Я рухнул на тюфяк как подкошенный. Вот что могут сделать с человеком шесть гадких слов, произнесенных не к месту.

– Я тебе помогу. – Она легла рядом со мной и решительно обхватила рукой мое уязвленное мужское достоинство. – Правда, я не знаю, как это делается. Но ты мне покажешь, да?

– Мы поможем друг другу. – Пальцы мои скользнули вниз, в ее горячее и совершенно мокрое местечко. – Где ты себя гладишь? Вот здесь, да?

– Немножко глубже... Да...

Я не помню, сколько раз мы помогли друг другу в эту ночь, прежде чем заснули, совершенно потеряв силы. Но, проваливаясь в сон, я четко осознавал, что все это неправильно. Это было издевательством – отдавать себя рукам, если можно было сделать это обычным способом – простым, знакомым и таким приятным.

Я чувствовал себя настоящим извращенцем.

ГЛАВА 5

Я проснулся оттого, что луч солнца пробился сквозь щель в стене сарая и дотронулся до моего носа, щекотно провел по моей коже – словно соломинкой. Я сморщил нос и открыл глаза.

Анютка лежала рядом со мной. Точнее, она почти лежала на мне, обняв меня обеими руками и прижавшись ко мне тонким юным телом. Тихо посапывала носиком. Она спала крепко и видела во сне что-то приятное.

Может быть, ей снился я. Во всяком случае, мне хотелось верить именно в это.

Анютка – именно так я называл эту девушку в той моей, настоящей жизни. В действительности ее звали Ань Цзян, но я называл ее на русский манер – Анюткой. Потому что мне так было удобнее. Потому что я был русским. И, как положено русскому, я переиначивал ее китайскую фамилию так, как мне хотелось.

"Мигель", – тихо прошептала она сквозь сон.

Мигель – так звучало мое настоящее имя. Испанское имя. По-русски меня звали Михаил, но так как в последние годы я жил в Испании, мне пришлось привыкнуть к имени "Мигель". Я был не против. Все равно это было именно мое имя, и оно не имело ничего общего с дурацким прозвищем "Шустряк".

Я вспомнил о себе все. Вспомнил так ясно, словно никогда и не было тупого беспамятства последних недель. Я наслаждался тем, что снова помню себя, лежал и вспоминал все то, что произошло в последний год, все то, что вылилось в цепь событий, приведших меня сюда – в загадочный мир под названием Кларвельт.

Если говорить точнее, я был не просто русским. Я был полукровкой – наполовину русским, наполовину испанцем. Всю свою жизнь я считал себя русским, несмотря на то, что носил фамилию Гомес. Я родился и жил в России, но однажды решил переменить место жительства. Я приехал в Барселону, к родственникам своего покойного отца – Хуана Гомеса. Я оставил в России свою русскую маму, потому что она не захотела уезжать. Я научился говорить по-испански. Я даже получил испанское гражданство, несмотря на некоторые трудности, связанные с моим разгильдяйским поведением. Я слишком любил выпить хорошего виски (много хорошего виски!), поваляться в постели с хорошенькими девчонками, а работать предпочитал нелегально, чтобы не платить налоги государству. Мои испанские родственнички – примерные католики – не дали мне погрязнуть в пучине греха. Они уладили мои конфликты с полицией, пристроили меня работать жонглером в очень приличное место – огромный парк аттракционов. Он назывался "Парк Чудес". Существование мое приобрело стабильность и даже некоторую, если можно так выразиться, приличность, чего никогда не наблюдалось во время моей жизни в России.

Моя профессия – жонглер. Да-да, именно так. Можно относиться к этому ремеслу как к несерьезному занятию, но это единственное, что я умею делать хорошо. Я – отличный жонглер. Может быть, даже выдающийся. Во всяком случае, так об этом было написано в рекламном буклете Парка Чудес. Я не против. Выдающийся, так выдающийся.

Итак, я работал жонглером в этом самом парке. А еще там работала девочка из Китайской Народной Республики по фамилии Ань и по имени Цзян – весьма симпатичное шестнадцатилетнее создание. Цзян выступала в китайском цирке с акробатическими номерами. Кроме того, она весьма неплохо владела У-шу. Честно говоря, она была мастером спорта по китайским единоборствам. И в один прекрасный день я подкатился к ней с заманчивым предложением – она будет учить меня этому самому У-шу, а за это я... А что я? А ничего. Я так ничем и не расплатился с ней за те уроки. Обычно я расплачивался с девушками за все услуги собственной натурой, и все были от этого в полном восторге. Более того – Цзян определенно

имела на меня виды и даже не скрывала этого. Но, как ни странно, она была первой в моей жизни близкой девчонкой, с которой я наотрез отказывался переспать.

За нашими отношениями стояла тень Лурдес.

С Лурдес мы познакомились при весьма странных обстоятельствах. Я заприметил ее, когда выступал со своим номером на маленькой площади в старом квартале Барселоны. Это было еще до того, как я устроился в Парк Чудес. В тот день я жонглировал – зарабатывал, стало быть, себе на жизнь, а она сидела за столиком с двумя парнями, про которых сразу можно было сказать, что это бандиты на отдыхе. Два колоритных быка в золотых цепях и с табуретками вместо голов. К тому же бандюганы оказались русскими – я услышал их разговор. К ужасу моему, я выяснил, что они собираются отвезти девушку в пригородный коттедж и устроить там что-то вроде "утренника" – народного порнографического развлечения, популярного среди российского бычья. Я честно предупредил девушку об этом, когда ребята отлучились оросить местные писсуары. Но она не захотела слушать меня, проявила свой строптивый нрав – послала меня подальше и поехала с ними. Ну, дальше все происходило как в киношном боевике – я оседлал свой мотороллер, выследил их и спас эту девушку. Правда, при этом меня чуть не пристрелили. Но это не в счет – я уже привык к тому, что кто-то пытается убить меня.

А потом... Потом Лурдес удрала от меня через окно в туалете. Не оценила моего героизма и благородства. Наверное, мне стоило забыть ее. Но я заболел ей. В голове моей поселилась навязчивая идея, что я люблю эту девушку и обязательно должен ее найти. Это был тот самый период моей жизни, о котором упоминала вчера Цзян.

Проблема состояла в том, что я действительно любил Лурдес. Я не знал, как ее зовут, где ее искать, но был уверен, что когда-нибудь увижу ее снова. Любовь к ней – к прекрасной даме, удравшей от меня через окошко сортира – превратилась в горячечный бред, который я безуспешно пытался затушить литрами алкоголя. Поведение мое, обычно незатейливо дурацкое, в этот период приобрело черты полного идиотизма. Подружка моя Цзян мучалась со мной, пыталась привести меня в чувство, но что она могла сделать?

Как ни странно, однажды я снова встретился с Лурдес. Она сама нашла меня и приехала ко мне в Парк Чудес. Я был счастлив тогда, был уверен, что судьба наконец-то совершила хоть один справедливый поступок по отношению ко мне. Но я ошибся – как обычно. У высших сил, что двигают нами, как пешками на шахматной доске, имелось собственное мнение на этот счет. День, когда Лурдес появилась в Парке Чудес, был отмечен черным крестиком в настольном календаре Господа Бога. Я назвал этот день ДНЕМ ДЬЯВОЛА². Сами понимаете, хорошие дни такими именами не называют.

Это был чертовски тяжелый день. Точнее сказать, этот день должен был стать последним в нашей жизни. Парк Чудес, в котором я тогда работал, в тот день был разрушен наполовину, погибли сотни людей. К счастью, мы выжили – я, и Лурдес, и Ань Цзян, и Демид, и Ван Вэй – все главные участники события. Мы даже выполнили некую важную миссию. Нам пришлось много бегать, драться и совершать невероятные усилия, чтобы остаться в живых.

Я плохо помню подробности этого дня. Так или иначе, день этот закончился, выпал из моей жизни. И жизнь начала налаживаться – ценой моральных потерь и ограничений. К сожалению, Анютка была права – после того, как у меня появилась Лурдес, места для маленькой китайской девочки уже не осталось. И Цзян уехала. Демид Коробов и Ван Вэй – две загадочные личности, не вызывающие у меня особой симпатии, прихватили ее с собой. Надобно сказать, что проживали они в стране Великобритании. Старикан Ван Вэй был профессором в каком-то из английских университетов и преподавал там что-то китайское – то ли историю, то ли филологию. А Демид Коробов... Я не берусь точно определить, что представлял из себя Демид и чем он занимался. Это выше моего понимания. Выглядел он всегда замученным до полусмерти,

² Об этих событиях рассказывается в романе А. Плеханова "День Дьявола".

что не мешало ему быть совершенной машиной для убийства и ходячим сгустком концентрированного разума. Он был весьма странным типом, этот Демид. Во всяком случае, почтенный профессор Ван называл его не иначе, как "Мой господин". Это позволяло мне предположить, что Демид Коробов – не просто менеджер по управлению разными мистическими чудесами, кочующий по всему миру, а нечто большее. Может быть, даже некий представитель Небес на земле, отвечающий за судьбу человечества. Я маленький человек и не хочу вникать в такие подробности. Достаточно того, что эти люди перевернули вверх тормашками всю мою жизнь.

Так вот, если вы думаете, что с окончанием Дня Дьявола все закончилось, то вы ошибаетесь. Все только началось.

Из Парка Чудес я ушел – не мог больше работать там, где лужи человеческой крови питались в землю. Впрочем, без работы я не остался. Переквалифицировался из жонглера в метальщика ножей – правда, уже не "выдающегося", а всего лишь "великолепного". Так написали на афишках в городке, где я поселился и стал выступать в постоянном шоу. Там было много разных номеров, и в одном из них я играл главную роль. Шоу это называлось "Viva el valor!" – "Да здравствует мужество!" Мужество мое заключалось в том, что я кидал ножи в красивую девушку, привязанную к бутафорскому дереву. Дерево было исполнено из прессованных стружек и при желании девушка могла поднатужиться, приподнять его и убежать вместе с ним. Но она не делала этого – стояла, извивалась, изображала, что очень страдает в неволе и всячески старалась показать длинные ноги через разрезы платья. А я, стало быть, метал в эту бабенку ножи. Правда, в саму девушку попадать мне не рекомендовалось, поэтому ножи втыкались в веревки, которыми она была привязана. В результате одного действия веревки перерезались, девушка освобождалась, бросалась мне в объятия, награждала меня благодарным поцелуем (я пытался упросить импресарио, чтобы это слюнтяйство было отменено, но он, гад, настоял на своем), после чего мы упархивали за кулисы, где красивая девушка соскребала с лица грим и превращалась в замученную жизнью и невротами женщину средних лет – с неплохой, правда, фигурой. После чего, она, как водится, начинала приставать ко мне – не хочу ли я, такой лапочка, получить в качестве благодарности за чудесное спасение незабываемый вечер с прекрасной дамой, искушенной в самой экзотической любви. Я с досадой осматривал прекрасную даму и в тысячный раз отказывал ей, причем в речи моей преобладали такие слова, как "Слушай, сколько можно?..", "Отвали", и даже "Опять в лоб хочешь? Это я устрою". В последней фразе я намекал на то, как однажды, выведенный из себя постоянными покушениями на свою высоконравственность, я попал ножом ей в лоб. Разумеется, кинжал мой не воткнулся – в планы мои не входило доводить дело до убийства – но засветил рукояткой в лоб прекрасной сударыне так, что мало ей не показалось. Она понимала, что это не было моей ошибкой. Она знала, что мои руки полностью подчиняются мне и делают только то, что я им прикажу. Поэтому обычно она прекращала свои домогательства, называла меня "гнусным педиком" и уходила пить кофе. Вот так проходил каждый мой рабочий день. Зрители, впрочем, валили на представление толпой, и зарабатывал я достаточно для того, чтобы жить так, как мне хочется.

А гнусным педиком я не был. Просто не хотел я спать с этой теткой, и все тут. Всю мою жизнь на меня западала любая женщина, стоило мне только посмотреть на нее и улыбнуться. Ну и что с того? Это не значит, что я должен спать со всеми, кто этого захочет. Я очень разборчив. Впрочем, должен вам сказать, что в последний год мне пришлось вообще выкинуть из головы мысли о связях на стороне. Потому что я жил с Лурдес, только с ней. Да и не хотелось мне никого, кроме нее.

Я был бы счастлив жить с Лурдес, и работать в своем шоу, и приходить каждый вечер домой, и видеть ее, и сидеть рядом с ней перед телевизором, и ужинать с ней, и заниматься с ней любовью. Я, закоренелый холостяк, даже помышлял о женитьбе, потому что был уверен, что нашел девушку, предназначенную мне судьбой. Но так не получилось.

День Дьявола проехался по нашим жизням как бульдозер. Он переломал наши судьбы, раскрошил их в кривые осколки. Теперь мы пытались сложить из этих осколков что-то новое, но то, что получалось, совсем не было похоже на прежнее наше существование. Лурдес, которая вела до Дня Дьявола довольно беспутный образ жизни, посерьезнела и поумнела. Она купила себе очки в тонкой золотой оправе. Она поступила в университет в Барселоне. Она училась там с увлечением, и, кажется, учеба интересовала ее гораздо больше, чем моя скромная персона. Поэтому наша размеренная семейная жизнь существовала только в моих мечтах. Нынешний наш городишко, имеющий вкусное название Эмпанада³, находился в ста пятидесяти километрах севернее Барселоны, довольно далеко, и Лурдес приезжала ко мне только по выходным. Не слишком часто. К тому же нужно учесть, что каждые четвертые выходные она не приезжала вовсе. Правда, в таком случае я сам садился на поезд и ехал к ней, в Барселону. Но это было не то. Она снимала комнату вдвоем с подружкой, подружку приходилось тактично выпроваживать, чтобы остаться наедине; подружке, тоже студентке, надо было готовиться к занятиям, времени вечно было мало, любовь наспех превращалась в пытку, в общем, все было не так... К тому же подружка, шустрая рыжая девица баскетбольного роста, посматривала на меня с подозрительным вождением, а однажды приперла меня к стенке и заявила, что, мол, нечего ее выпроваживать, что она, мол, девчонка без предрассудков, и, мол, нужно делать *это самое* всем втроем. Кровати сдвинуть, места хватит и все такое... Короче говоря, мне предложили шикарную групповую. Как и положено идиоту, я немедленно расписывался. На девицу наорал и обозвал ее шлюхой, Лурдес схватил за шиворот и выволок ее на лестничную площадку, где устроил ей безобразную сцену ревности. Я бушевал так яростно и громко, что все соседи повысовывали свои любопытные носы из дверей. «Лурдес, мать твою! – вопил я. – Опять ты принялась за свои лесбийские фокусы?! Ты же обещала! Ты уедешь из этого гребаного притона сегодня же! Я сниму тебе отдельную квартиру! Я заработаю денег на это!...» И так далее, в том же духе. Лурдес даже не пыталась оправдываться. Я так и не узнал, спала она с этой рыжей верзилкой или нет. Лурдес просто стояла молча и смотрела на меня грустными глазами.

После этого я снял для нее отдельную квартиру. Я выбивался из сил, чтобы заработать достаточно, но это не улучшило наших отношений. Любовь наша раздиралась с треском – как кусок некогда красивой, и вдруг обветшавшей ткани, который тянут с двух сторон. И я, и Лурдес были людьми, привыкшими жить только для себя. Оба мы не привыкли терпеть чьих-либо приказов. Хуже того – мы слабо представляли, что для совместной жизни нужно поступаться собственной свободой, доселе неограниченной. Иногда мы делали какие-то робкие шаги навстречу друг другу, но состояние равновесия длилось недолго – мы тут же бросались назад, на завоеванные и обжитые плацдармы эгоизма, и возвращались к прежней, дурной и муторной войне двух любящих друг друга людей. Да, я любил Лурдес несмотря ни на что, и именно поэтому я не мог расстаться с ней. Мне было плохо с ней, и было еще хуже без нее. Любила ли она меня? Думаю, что да. В постели мы всегда находили примирение. В постели мы подходили друг другу идеально – как самый изощренный ключ к самому секретному замку. «Я люблю тебя, Мигель!» – шептала она мне в ухо, а иногда и кричала эти слова, изгибаясь в порыве страсти, и у меня не было повода не верить ей. Она плакала навзрыд, когда я впервые сказал ей, что, наверное, мы не подходим друг другу и когда-нибудь нам придется расстаться. Тогда она бросила свой чертов университет на неделю, и приехала ко мне в Эмпанаду, и жила со мной, и ходила смотреть на мои представления, и хлопала и кричала от восторга вместе со всеми, и готовила для меня энчиладос с сыром (кажется, эти незамысловатые лепешки были единственным блюдом, которое она умела готовить), и ужинала со мной, и смотрела со мной телевизор. Все было хорошо. Она говорила мне, что и дальше у нас все будет хорошо, и мы обязательно поженимся, и у нас будет куча детей, и первого мальчика мы назовем русским

³ Empanada – пирог (исп.).

именем Саша, а первую девочку – русским именем Наташа, потому что это сейчас очень модно – называть детей русскими именами Саша и Наташа... И я, конечно, верил во все это, потому что мне нужно было верить хоть во что-то...

Я очень любил ее.

Ровно через неделю она снова надела свои очки. Ее короткий отпуск кончился. Она поцеловала меня, когда садилась в поезд. Она долго махала мне рукой в окно вагона. Я не выдержал и разрыдался, когда вернулся домой. Я почему-то решил, что эта неделя была лучшей в нашей жизни, и больше такой уже не будет.

Так оно и получилось. Лучше этой недели в нашей с Лурдес жизни уже не было. Все вернулось на круги своя. Круги, расходящиеся в темной холодной воде, в которой порой так хочется утопиться... Эта неделя была пиком нашей любви – вершиной, этаким горбиком, с которого так удобно падать. Иногда мне кажется, что любовь похожа на одногорбого верблюда в профиль. Сперва ты раскачиваешься на горбу, обзреваешь окрестности своей жизни с высоты, будучи уверен, что всегда будет так и по-другому быть не может. А потом вдруг обнаруживаешь, что медленно, но неуклонно сползаешь по горбу назад – к задней и вонючей части корабля пустыни. И ты цепляешься за шерсть в попытке сделать хоть что-нибудь, хоть как-то замедлить собственное продвижение вниз, и ничего не можешь сделать, потом долго и нудно болтаешься в воздухе, зажав в руках скользкий хвост, и в конце концов шлепаешься в кучу верблюжьего навоза. Такова диалектика любовных взаимоотношений. Моих, во всяком случае. Я знаю многих людей, верблюды-любви которых имеют два горба, и даже три горба, а иногда столько много горбов, что можно кататься на них всю жизнь как на американских горках. Мои верблюды, сколько бы их у меня ни было, все были безнадежно одногорбыми, как на пачке "Кэмела".

Впрочем, я не успел плюхнуться в дерьмо. Просто не успел. Я еще цеплялся за среднюю часть верблюжьего горба, я еще любил, я еще страдал от агонии собственной любви, когда Лурдес исчезла. Ее украли.

Я догадывался, кто сделал это. Я видел этого человека в Испании. Я даже узнал его имя и вспомнил это имя сейчас.

Его звали Вальдес.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Демид: несколько слов о жизни Диего Санчеса

ГЛАВА 1

Вальдесом звали Великого Инквизитора Испании в середине шестнадцатого века. Это была очень большая и важная должность – Великий Инквизитор. Этот человек руководил Святой Инквизицией, а она решала судьбы сотен тысяч людей, которые попадали в ее застенки. Сеть учреждений инквизиции, накрывшая всю страну, боролась с ересью – религиозными учениями, хоть в малой степени отступавшими от предписанных канонов и образа мышления римского католичества. Людей, заподозренных в ереси, допрашивали с применением пыток, и все они, конечно, признавались в своих грехах – попробуй не признайся, если тебя пытаются раскаленным железом.

Человек, который похитил Лурдес, называл себя Вальдесом – в честь Великого Инквизитора. Но он не был настоящим Вальдесом. Он родился в двадцатом веке и звали его Диего Санчес. Ему не нравилось это имя – Диего, как не нравилось все, что окружает его в этом мире. Он избрал себе новое имя – Вальдес. Свое настоящее имя он вспоминал только тогда, когда приходилось иметь дело с официальными властями. Например, в том случае, когда он попал в полицию, арестованный по обвинению в двойном убийстве.

– Диего Санчес, – произнес тогда офицер полиции. – Вы обвиняетесь в убийстве Кристины Глориэты Ромеро и Хакима Окама. Признаете ли вы себя виновным?

– Признаю, – хмуро сказал Вальдес.

Глупо было не признаться в этом, если его взяли дома, окровавленным с головы до ног, в компании двух истерзанных трупов, висящих на крючьях, ввинченных в потолок. Вальдес мог бы нанять хорошего дорогого адвоката, попытаться хоть как-то выкрутиться, но у него не было в этом ни малейшего опыта. Однако ему все же повезло. Молодой парень, которого он нанял в качестве защитника, сумел найти какие-то зацепки в ходе следствия, блестяще отработал процесс, великолепно выступил на суде, и Вальдесу дали всего десять лет. Десять лет... Совсем немного для двойного убийства.

Вальдес отсидел только шесть лет и вышел из тюрьмы – освободился досрочно за примерное поведение. Но эти годы не показались ему сахаром.

Тюрьма сделала Вальдеса более умным и осторожным. Он понял, что не стоит афишировать свое жизненное кредо, если оно так отличается от общепринятого. Он просто ждал своего часа.

И однажды он дождался его.

Вы спросите меня: "Откуда ты все это знаешь?"

Я знаю многое. Таковы особенности моей профессии – знать многое в этом мире. К сожалению, это знание не доставляет мне радости, потому что, как правило, я добываю информацию о самых отвратительных людях, существующих на планете. Есть и еще один предмет для сожаления – во многих случаях я должен вмешиваться, чтобы не допустить совершения этими людьми зла. Хотите знать, каков идеал моего образа жизни? Валяться на диване и читать книжку. Но это удается мне очень редко, потому что в злосчастной судьбе моей записано, что я должен рыскать по всему миру в поисках определенных людей, собирать о них определенную информацию, а потом совершать по отношению к ним определенные действия.

Вы можете сказать, что я говорю настолько запутанно, что все это кажется бессмыслицей. Не спешите. Я попытаюсь объяснить все по порядку. А вы попытайтесь поверить – хотя поверить во все это совсем непросто.

Меня зовут Демид. Демид Петрович Коробов.

Моя профессия... Впрочем, я и сам затрудняюсь назвать точный род своей профессии. В Испании, например, называют это словом "Consagrado", а в Англии – "Initiated", что можно перевести как "Посвященный". Невозможно толком объяснить, что это такое. Во всяком случае, это связано с явлениями, которые не имеют материального объяснения. Кое-кто считает, что Посвященные – это убийцы демонов, но с этим я тоже не могу согласиться. Демона вообще нельзя убить, ведь в нашем мире он практически бессмертен. Можно только изгнать его из нашего мира – отправить в то место, откуда он сумел вырваться. Обязанности Посвященных намного шире, чем просто борьба с какими-то облезлыми демонами...

Мы, Посвященные, следим за порядком. Пожалуй, именно так.

Мир, в котором мы с вами живем – сложная штука, но все же он вполне изучен. Все в нем – от гигантских звезд до крохотных атомов – подчиняется физическим законам, которые можно описать в математических формулах. Но кроме нашей Вселенной, которую Посвященные называют Средним Миром, есть и другие миры. Они находятся не далеко и не близко от Среднего Мира – невозможно описать пространственное соотношение миров друг с другом. Они находятся *где-то*. Они существуют параллельно.

Какие они – эти миры? Они совсем не похожи на наш. Все они разные – микроскопические и гигантские, светлые как рай и ужасные, как ад. Нужно хоть раз побывать в другом мире, чтобы понять, что это такое. Это нельзя описать.

Попасть в другой мир не так-то просто. Существуют врата между мирами, но они прочно запечатаны. Создатель наш побеспокоился о том, чтобы обитатели одного мира не смогли проникнуть в другой. И связано это, как мне кажется, прежде всего со следующей причиной: то, что обычно в одном мире, становится магическим свойством в другом. Иными словами, самый захудалый и никчемный житель любого из миров, попав в другой мир, обнаруживает, что стал довольно-таки могущественным волшебником. Ни к чему хорошему это не приводит. Те, кого называют демонами, это и есть обитатели других миров, сумевшие просочиться в наш мир. К сожалению, Средний Мир слишком велик. В нем слишком много врат, соединяющих его с другими мирами. Твари из других миров пролезают к нам постоянно, и невозможно предугадать, где и когда это случится в следующий раз. Встречаются, конечно, и относительно безобидные демоны, – как правило, те, кто прошел через Врата случайно, по незнанию. Но большая часть демонов – те, кто пришел сюда целенаправленно, чтобы вдосталь порезвиться на благодатной Земле, принося зло людям. Они прикладывают неимоверные усилия, чтобы преодолеть мембрану врат, и многие из них, даже изгнанные обратно в свой мир, возвращаются раз за разом. Именно о таких демонах люди слагают легенды, в которых правда столетие за столетием превращается в миф.

Кто изгоняет чужаков? Мы, Посвященные. Нас не так-то много на Земле, мы рассеяны по планете и не знакомы друг с другом. Каждый из Посвященных знает не больше десятка себе подобных. Это связано с тем, что мы вершим дела свои в глубокой тайне. Никто из Посвященных не носит с детства каких-то особых знаков и никто из них не подозревает о том тернистом пути, на который ему когда-то придется встать. Я думаю, что если бы человек знал о том, что ему придется стать Посвященным, это не принесло бы ему радости. Нет в этом занятии ничего, что могло бы принести счастье. Это занятие сродни работе ассенизатора. Но такова судьба. Если тебе предписано стать Посвященным, ты никуда от этого не денешься. Когда-то я испытал это на себе.

Я – русский. К сожалению, сейчас мне приходится жить в Англии. Я удрал из России, потому что у меня возникли определенные проблемы с нашими родными спецслужбами.

Почему-то они решили, что я должен с ними сотрудничать. Они никак не могли понять, что мой род занятий – совершенно другой, и никак не пересекается с их профессиональной деятельностью. Я не держу на них зла – они занимаются своим делом, я – своим. Просто теперь я вынужден жить в чужой стране. Я надеюсь, что когда-нибудь я вернусь домой. Со временем все должно утрястись.

Пожалуй, хватит о себе. Я хочу рассказать вам о Диего Санчесе, который называл себя Вальдесом. Зачем я это делаю? Для того, чтобы внести ясность в эту историю. Мигель неплохой рассказчик, но он знает слишком мало. Я знаю почти все – такова специфика моей работы.

Не буду говорить о том, как я добыл эту информацию – у каждого человека должны быть свои маленькие секреты. Я просто попытаюсь изложить все, что хочу сказать, в виде связного рассказа. Если хотите, можете считать это моим литературным упражнением.

Если что-то останется за рамками повествования – в том нет моей вины. Не вся правда доступна бумаге. Но в том нет и трагедии – ведь ваша фантазия сможет возместить пробелы в изложении. Может быть, у вас получится лучше, чем у меня.

Может быть...

ГЛАВА 2

До того, как в руки Диего Санчеса попал Кривой Нож, в жизни его было не так уж много хорошего. Моменты, когда он чувствовал себя совершенно счастливым, были так же редки в его жизненном существовании, как драгоценные самородки в грязном песке, промываемом золотодобытчиком на заброшенном прииске. Кажется, самой судьбой Диего был обречен на хроническое несчастье. И причиной этому было следующее: то, что доставляло ему удовольствие, то, что заставляло его сердце радостно биться и раздвигало в улыбке его тонкие губы, приводило других людей в состояние животного ужаса.

Диего Санчес любил чужую боль. Ему нравилось смотреть на лица, превращающиеся в мертвенно бледные маски, на процесс мучительного расширения зрачков, на руки с ломающимися ногтями, на тела, изгибающиеся в судороге. Но боль была в конечном итоге лишь сладким десертом – последним блюдом пиршества, неизбежно кончающимся смертью. Основной же составляющей наслаждения был страх. Он начинался с быстрого испуга, потом он переходил в панический ужас, лишаящий человека разума, делающий его глупым бараном, предназначенным для заклания. Но и это не было еще истинным удовольствием – наблюдать, как мечется жертва, пытаясь спастись. Самым лакомым, деликатесным блюдом было то состояние, когда человек начинал понимать, что спастись ему не удастся. Когда он правильно оценивал свое положение и адреналин растекался по его венам, вытесняя кровь, и воздух наполнялся острым запахом предсмертного пота. Вот тут-то не стоило спешить. Тут нужно было правильно растянуть время, ибо что может быть лучше, чем почувствовать себя справедливым судьей?

Надеюсь, ты понимаешь, что заслужил самого сурового наказания? Как за что? Что значит – в чем твоя вина? Все мы виноваты перед Богом, и каждый знает свои грехи лучше всякого другого. Почему ты решил, что возмездие придет только после смерти? Все вы так думаете, и живете как свиньи – совершаете грязные свои грехи, не думая о том, что когда-нибудь придется за них ответить! Да, ты грешен, сын мой. Ты грешен, чертово отродье шлюхи!!! Ты никогда не думал о том, что Чистилище может начаться уже здесь, на этом свете? Ты должен возрадоваться, что это так – ибо мучения здесь снимут с тебя большую часть прегрешений. Так прими же искупление полной мерой!!! Что значит пощада? Что значит несправедливость? Щадить грешников – совершать наихудшее зло по отношению к ним. Ты должен возрадоваться, что болью своей ты искупишь грехи свои. Я спасу твою душу. Ты лгал? Я вырежу твой язык! Смотрел непристойные фильмы? Неужели не смотрел? Смотрел, конечно! Я выколю тебе глаза... Не дрыгайся, нечестивая свинья, тебе же будет больнее! Блудил? Посредством чего ты блудил, посредством этого отвратительного органа?.. Господи, сколько крови в этом теле...

Если бы все жертвы, изувеченные Санчесом, были бы найдены, если бы полиции удалось точно идентифицировать, что это именно он поработал над их превращением из живых людей в туши, расчлененные с мастерством лучшего мясника, ему хватило бы тюремных сроков на десять пожизненных заключений. Но полиция не нашла их. Да и не было этих жертв в действительности. У юного Санчеса была достаточно богатая фантазия, чтобы не убивать настоящих людей. И он слишком ценил свою свободу. Он убивал только в мечтах.

С чего все началось? С детства, конечно. Диего Санчес родился в середине пятидесятих годов двадцатого века в городке под названием Новено, в Андалусии – южной провинции Испании. Отец его, Рауль Санчес, был рабочим на стройке – добросовестный трудяга, кото-

рый выпивал каждую пятницу в кабаке под названием "Старые друзья" свой литр красного риюхского вина и стакан кальвадоса, а придя домой, навешивал своей жене синяк под глазом – столь же обязательный атрибут завершения недели, как воскресная служба в церкви. При том, что Рауль Санчес регулярно оставлял отпечатки кулаков на физиономиях всего своего семейства, включающего также дочь и двух сыновей, сам он был католиком – не то чтобы ревностным, но достаточно правильным. Он искренне верил в Бога, и исполнял все ритуалы, которые предписано исполнять хорошему христианину, не особо задумываясь над их значением. И уж в любом случае, каждое воскресенье все семейство Санчесов присутствовало на проповеди в местной церкви.

С церковью связано самое яркое воспоминание детства Диего Санчеса. Тысяча девятьсот шестьдесят пятый год. Десятилетний Диего сидит на деревянной скамье в полумраке старого собора, шмыгает носом и дрыгает ногами, потому что ему отчаянно скучно. Идет служба: падре монотонно бубнит что-то на непонятном латинском, отец и мать глядят на него овечьими глазами с таким смиренным вниманием, что можно подумать, что они действительно что-то сообщают в этом. Диего одет в белую рубашку с галстучком, его брючки выглажены, а ботинки, которыми он болтает в воздухе, воняют дешевым сапожным кремом. Диего скучно. Он смотрит на статую человека, распятого на кресте. Конечно, он хорошо знает, кто это такой: Сын Божий, пострадавший за человеков. Божественное существо в терновом венце, с гвоздями, вбитыми в руки.

Диего читал Библию, и ему нравилась эта книга. Его приводили в восторг деяния Бога. Диего даже завидовал Богу – наверное, здорово было создавать этот мир и всех живущих в нем тварей, чтобы потом уничтожать их. Диего помнил наизусть многие фразы и целые абзацы из Ветхого Завета. "И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди; все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло".

Умерло. Вот здорово! Это о всемирном потопе. Или вот еще: "И поразил Он жителей Вефсамиса за то, что заглядывали они в ковчег Господа, и убил из народа пятьдесят тысяч семьдесят человек; и заплакал народ, ибо поразил Господь народ поражением великим". Нехило! Бабах! – и пятьдесят с лишним тысяч человек откинули копыта! Нечего баловаться, в ковчег заглядывать. "...Итак, убейте всех детей мужеского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте. А всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя"... Последние слова, забывшись, Диего произносит довольно громким шепотом, и тут же получает чувствительный толчок локтем от отца. Отец поворачивает к нему свою физиономию с длинными обвисшими усами – во взгляде читается порка ремнем, грядущая по возвращении домой. Рауль охотно распускает кулаки, ибо считает, что наказывая детей и жену, наставляет их на путь истинный. Он терпеть не может наклонностей младшего из своих сыновей. На прошлой неделе ему не удалось поймать поганца Диего с поличным и доказать, что именно Диего повесил кота, но Рауль знает, кто сделал это. Дал Бог такого сына... Рауль достает носовой платок и хмуро вытирает пот с лысины. Душно. Десятилетний Диего вжимает голову в плечи и начинает снова рассматривать статую Христа, стараясь не коситься на отца.

Деревянный Иисус выполнен довольно реалистично. Высотой ровно в человеческий рост – если чуть прищурить глаза и покачать головой, то кажется, что он еще живой и корчится от боли. Конечно, он слишком темен кожей – дерево, из которого вырезано распятие, стало коричневым от времени. Фи! Иисус – темнокожий, почти как араб. Впрочем, он и был древним евреем – почти арабом. Зато белки его глаз, в муке возведенных к небу, раскрашены белой краской. А кровь, текущая из ран, оставленных шипами венца и гвоздями, вбитыми в руки и ноги, красная как кармин. Здорово! Диего представляет, что держит в руке молоток, что приставляет огромный ржавый гвоздь к руке Иисуса и она вздрагивает от предчувствия боли.

Диего тоже вздрагивает от горячей волны сладострастного удовольствия, проходящей по его телу.

Вот повезло Иисусу с отцом. Его отец – Бог. Здорово, наверное! Диего едва заметно косится на своего собственного папашу и с ненавистью кривит губы. "Что бы ты сделал, если бы твой отец был Богом?" – спрашивает он себя. И отвечает себе: "Я сам стал бы Богом. Чтобы иметь власть над живыми тварями. Чтобы создавать их по желанию своему и затем убивать их. Я не позволил бы распять себя. Не позволил бы".

Бог создал людей, чтобы потом убивать их тысячами, миллионами. Однажды он утопил все живые существа живьем – правда, нескольких оставил на развод. А когда люди снова размножились в достаточной степени, залил всю землю их кровью. Но и этого показалось ему мало. Он послал своего сына в мир людей, чтобы того убили. Он обманул своего сына. Он обещал сыну, что тот спасет человеков – и добросердечный Иисус говорил людям, что нужно любить друг друга. Наверное, когда он умирал, он верил, что искупит своей смертью человеческие грехи. Он не представлял, что через одиннадцать столетий после его смерти будет создана инквизиция, которая будет пытаться и убивать Его именем. Святая Инквизиция. Прекрасная, великолепная инквизиция!..

Диего облизывает губы и прищуривает глаза. Он снова представляет себе, как вбивает гвоздь в тело человека. Нет, гвоздь – это слишком слабо! Диего берет в руку огромный восьмидюймовый шуруп – он видел такие у отца на стройке. Шуруп не должен пройти между костями – это не так больно. Диего приставляет никелированное острие шурупа прямо к кости запястья и ломает ее с хрустом, ударяя молотком раз за разом...

Он приходит в себя оттого, что взбешенный отец волочит его прочь из церкви, вполголоса извиняясь перед прихожанами. Оказывается, Диего забылся, полностью ушел в себя. Он начал сладостно стонать на весь зал и даже, кажется, громко испортил воздух. Высокая дверь хлопает за их спиной, но Рауль пока сдерживается – он хороший христианин, он не может лупцевать своего беспутного сына не только в пределах храма святого, но даже и на улице. Рауль тащит Диего – почти несет за шиворот. До дома двести метров, и Диего знает, что ждет его дома.

– Боже, накажи его, – шепчет Диего. – Поразит тебя Господь чахлостью, горячкою, лихорадкою, воспалением, засухою, палящим ветром и ржавчиною; и будут они преследовать тебя, доколе не погибнешь...

В светлых глазах его пробегают искры гнева – слишком холодные, чтобы казаться сумасшедшими.

* * *

В семнадцать лет Диего Санчес был довольно странным парнем. Его ровесники старались не отставать от моды – носили длинные волосы, цветастые приталенные рубашки, расстегнутые до пупа, и брюки, расклешенные настолько, что при передвижении пешком существовал риск запнуться, упасть и расквасить себе нос. Мини-юбочки его сверстниц кончались чуть ниже ватерлинии трусиков. Сексуальная революция наступала на закоренелые традиции буржуазного мира. Хиппи мирно лежали на травке, курили марихуану и проповедовали любовь. Заматеревшие Битлы уже выпустили свою последнюю пластинку и с шумом распались на составные части. Джимми Моррисон брел через наркотический шторм. Все это мало трогало Диего. Будущее, накатывающееся как цунами на настоящее и разбивающее его в щепки, мало волновало его. Он все больше уходил в прошлое. Далекое прошлое.

Он уже больше не называл себя Диего. Он звал себя Вальдесом. Он вычитал это имя в одной из книг об инквизиции. Он решил, что это имя больше соответствует его сущности. Он так упорно отстаивал свое право на новое имя, подтверждая его кулаками, что даже наиболее упрямые из его ровесников сдались – решили, что здоровье дороже. Отца, который мог бы

попытаться как-то воздействовать на него, больше не было. Отец умер. А мать... Она просто боялась сына.

Он был достаточно привлекателен внешне – многие из девчонок охотно оставили бы ради него своих гривастых парней, украшенных дешевыми бирюльками и нечесаными бакенбардами. Вальдес был высок ростом, строен, двигался с замедленной грацией, выдающую в нем опасную силу, сжатую, как пружина. Кроме того, он был светлоглазым и светловолосым – это редко встречается среди испанцев, особенно среди южных, и привлекает внимание женщин. Но Вальдес обращал мало внимания на девчонок.

Нет, пожалуй, не так. Вальдес обращал внимание на девушек *недостаточно много* – не в той мере, в какой это положено делать истинному мачо. Он делал это как-то слишком нетемпераментно и не по-испански – словно был не горячим андалусийцем, а холодным норвежцем. Он слишком мало трепался о своих победах над девчонками, не останавливался на улице, не хлопал себя по бедрам, не округлял глаза и не произносил громко «Dios! Que guapa es!»⁴, когда какая-нибудь местная красавица, виляя круглым задком, проходила мимо него. Он выглядел слишком взрослым по сравнению со своими ровесниками. В семнадцать лет Вальдес отличался спокойствием и прагматизмом. Общение с ним напоминало кожный контакт с сухой наждачной шкуркой. Он перерос те романтические чувства, которые составляли основу жизни его ровесников – перерос, так и не попробовав, что это такое. Если он оказывался в постели с какой-нибудь девицей, то, как правило, она была старше его лет на пять, а то и на десять. Он не водил девушек в кино и на танцы, он даже не угощал их мороженым или Кока-колой. Он просто осведомлялся, есть ли у девушки комната, где можно перепихнуться – потому что у него, Вальдеса, такой комнаты нет. Некоторых девчонок это приводило в состояние бешенства, кое-кто даже пытался дать ему по физиономии, но Вальдес не был назойливым: он не настаивал, он просто искал. Он шел к следующей девушке и повторял свой вопрос раз за разом, подтверждая его холодным блеском голубых глаз, пока не находил то, что ему нужно. И со временем он научился находить то, что его устраивало, точно и безошибочно. Он быстро учился разбираться в людях.

Что и говорить, своеобразное поведение Вальдеса вызывало много толков среди его сверстников. Кто-то считал его тихо свихнутым, кто-то находил все это признаком особой крутости и даже пытался подражать ему. Впрочем, Вальдесу было наплевать на это. Он жил сам по себе и ни в малейшей степени не обращал внимания на то, как реагируют на него окружающие. Тот же, кто пытался вторгнуться в пределы его жизненного пространства, или, хуже того, в чем-то воспрепятствовать Вальдесу на его пути, как правило, жалел об этом.

Представим себе ситуацию: холодный мартовский вечер, дождь нудно поливает улицу, пузыри бегут по черным лужам. До открытия танцев еще два часа, пиво надоело, а денег на что-нибудь более стоящее нет. Скучно! Скучно, амигос⁵! Компания из четырех подростков скрывается от назойливого ливня в арке дома, рядом с табличкой «Частная собственность. Стоянка запрещена». Что им частная собственность – они такие крутые! У них ботинки на платформах, у них шикарные фиолетовые джинсы, у них жвачка в зубах и в мозгах. И самое главное – у них есть две самокрутки с марихуаной. Два забойных косяка, каковые они и курят по очереди, задерживая дыхание настолько, что сладковатый травяной дым, кажется, уже начинает выходить тонкими струйками из ушей. Они уже почти поймали свой кайф. Недостаток положения состоит только в том, что никто не может видеть то, как круто они ловят свой кайф.

Вдоль по улице слышится размеренное шлепанье башмаков по лужам. Долговязая фигура, завернутая в плащ – старомодный, вероятно, серый, но теперь почти почерневший от впитавшейся в него воды. Ба, да это же Санчес! Станный и туповатый чувак Санчес, который

⁴ Боже, ну и красотка! (исп.).

⁵ Amigos – друзья (исп.).

зовет себя Вальдесом. Что за мудацкое имя – Вальдес! Вальдес-Бальдес! ⁶ Эй, ведра, мать вашу, куда вы тащите там свою воду? Вы пьете ее вместо пива, да? Дайте хлебнуть водички, ведра...

Вальдес, проходящий мимо арки, останавливается и медленно поворачивает голову.

– Кому там дать хлебнуть водички? – спрашивает он красивым нежным голосом, мало подходящим к его мрачной внешности.

– Ведра! Ведра! – пляшет один из четверки, самый пьяный, наглый от анаши. – Вальдес! Бальдес! Шмальдес! Сральдес...

Он неосторожно приближается к Вальдесу, который, кажется, уже собрался топтать дальше своей дорогой, не обращая внимание на обкурившихся придурков. Вдруг Вальдес резким движением хватает его за грудки и бьет лбом в лицо. Парень обмякает в его руках, Вальдес приподнимает его и кидает на дорогу, лицом в лужу.

– Попей водички, козел, – говорит он и добавляет к этим словам хороший удар в бок носком тяжелого ботинка.

Трое товарищей пострадавшего срываются с места в едином порыве. У одного из них блестит в руке нож. От Вальдеса их отделяет всего пять шагов, но они не успевают сделать их. Вальдес производит быстрое движение и вся троица останавливается как вкопанная.

Вальдес поворачивается к противникам, бегущим к нему, и молниеносно распахивает свой плащ – так гигантская летучая мышь раскрывает свои кожистые крылья. Трое подростков видят изнанку плаща. На полах плаща они видят два внутренних кармана, и из каждого торчит гаечный ключ огромных размеров.

– Хотите, чтобы я слегка подремонтировал вас, судари? – вежливо осведомляется Вальдес и тонкие губы его искривляются в ледяной усмешке.

– Ты!.. Мразь!.. Фашист! Все знают, что ты фашист! Я тебя сейчас на кусочки нарежу! – Самый рослый, самый смелый из троицы подступает к Вальдесу, подбадривая себя криками. – Ты понял, да? Тебе конец!

Вальдес не отвечает. Он только делает два шага назад, когда парень бросается на него с ножом. В руках Вальдеса мгновенно оказываются оба гаечных ключа. А еще через мгновение противник его лежит на земле, кровь вытекает из его головы и растворяется в луже, окрашивая ее в алый цвет.

⁶ Игра слов: по-испански Baldes – ведра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.